

МАКС ГЛЕБОВ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

БЛЮСТИТЕЛИ ХАОСА

ЧЕРНЫЙ СТАРАТЕЛЬ

Блюстители хаоса

Макс Глебов

Черный старатель

«Автор»

2022

Глебов М. А.

Черный старатель / М. А. Глебов — «Автор»,
2022 — (Блюстители хаоса)

Окраинная колония, в которой родился и вырос Рич, когда-то была частью цивилизации, контролировавшей многие десятки звездных систем. Теперь она отброшена на сотни лет в прошлое внезапно вспыхнувшей войной с Роем – непонятным и жестоким врагом, пришедшим из глубин космоса. За пятьдесят лет до рождения Рича Рой нанес по его планете орбитальный удар и высадил на поверхность десант. Захватить столичный мегаполис враг так и не смог, но это стало единственным успехом людей. Остатки роботизированных отрядов противника укрылись в руинах промзоны, вплотную подступающих к развалинам города, и до сих пор совершают оттуда неожиданные вылазки. Правда, и сам враг иногда становится объектом охоты. В промзону совершают рейды отряды нелегальных старателей, добывающих высокотехнологичные артефакты, изготавливать которые люди уже разучились. Рич – воспитанник интерната для подростков, чье детство прошло в подземных ярусах разрушенного мегаполиса. Официально считается, что городские власти взяли на себя обучение беспризорников и подготовку их к взрослой самостоятельной жизни. По факту же из них готовят рекрутов для федеральной армии, постоянно ведущей боевые действия на других планетах почти распавшейся Федерации. После выпуска из интерната Рича ждут всего два пути: завербоваться в федеральную армию или стать частью криминального Синдиката, давно и плотно сросшегося с официальной властью. И он наверняка выбрал бы один из них, считая, что иных вариантов просто нет, если бы не событие, полностью изменившее его отношение ко всему, происходящему вокруг.

© Глебов М. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Макс Глебов

Черный старатель

Пролог

Наверное, впервые за очень долгую жизнь Делвею стало по-настоящему страшно. Его мир превращался в ничто, прорастая всё новыми язвами адронного распада. Этот процесс, еще сутки назад казавшийся относительно предсказуемым, внезапно начал ускоряться, и теперь весь запас времени, на который рассчитывал исследователь, растворился без следа, исчезнув в небытие, так же как звезды, планеты и галактики, обращаемые в прах вышедшим из-под контроля штормом физических констант.

– Обнаружен новый очаг распада, – бесстрастно доложил управляющий биоморф научной станции. – Дистанция сто семь световых лет. Непосредственная угроза базе возникнет через семьдесят минут.

По спине ученого пробежала нервная судорога. Очередная дыра в ткани мира вновь сожрала часть оставшегося времени.

– Отправь все защитные мониторы навстречу волне деструкции, – дрогнувшим голосом приказал Делвей, – пусть выставят стабилизационный барьер.

– Исполняю, – невозмутимо ответил биоморф.

Некий неучтенный фактор стал оказывать влияние на ход эксперимента почти с самого начала, хотя в первые часы после инициирующей кварковой вспышки это не вызвало у Делвея особого беспокойства. Исследователи его расы уже давно не испытывали ни малейшего трепета перед бездной непознанного, считая себя много выше и могущественнее древних богов, в которых когда-то верили их предки. Впрочем, определенные основания для такого мнения у них действительно имелись.

Познав глубинные законы мироздания, керей превратили науку в развлечение, в способ самовыражения и наслаждения могуществом собственного интеллекта. Новые знания уже не имели практического смысла. Они и так владели практически неограниченными энергиями и постигли столь тонкие механизмы преобразования материи, что могли делать с окружающей вселенной почти всё, что был способен вообразить их изощренный мозг. Проблема заключалась именно в этом «почти». Совершенству, как известно, нет предела, и Делвей хотел сделать тот самый последний шаг в длинной цепи исследований, который приведет его расу к истинному всемогуществу. И этот шаг действительно оказался последним – они доигрались.

– Сколько продержится барьер? – не скрывая беспокойства, спросил исследователь.

– Около пятнадцати минут, – чуть замявшись, доложил искусственный интеллект. – Точная оценка затруднена из-за отсутствия адекватной математической модели адронного распада.

– Надеюсь, этого хватит, – негромко произнес ученый. – Что с поиском объекта для переноса?

– Процесс не завершен. На данный момент есть только три кандидата. Лучший из них с вероятностью успеха восемьдесят семь процентов. У двух других двадцать четыре и шестнадцать.

– Прекратить поиск, – с досадой в голосе приказал Делвей. – Начать подготовку к переносу. Кто хоть мне достался? Какая раса? Какой мир?

– Это человек, – в голосе биоморфа ученому неожиданно послышалась скрытая издевка, чего, конечно, быть никак не могло. – Один из миров, ставших объектом эксперимента ваших предков по заселению отдельных галактик агрессивными расами. Сейчас там идет шестьдесят

седьмой год после вторжения Роя. Подробности неизвестны, контрольная сеть в нашем мире практически уничтожена адронным распадом.

– Ну, человек, так человек, – неопределенно повел верхней конечностью ученый. – На самом деле, не худший вариант. Раз прошло столько лет, а люди там еще живы, значит от Роя они отбились. Приступай к обработке реципиента.

– Процедура подавления сознания цели уже запущена.

Что ж, восемьдесят семь процентов успеха – это даже неплохо, учитывая все обстоятельства. Рисковать Делвею очень не хотелось, но ждать лучшего результата уже не было никакой возможности, ведь на обработку сознания аборигена могло уйти немало времени. Теперь ученому оставалось только ждать.

Делвей перевел взгляд на четырехмерный проекционный куб, где отражался процесс пространства адронного распада. Черные облака потерянных областей пространства угрожающе разрастались, с разных сторон надвигаясь на яркую точку научной базы. На своем пути они пожирали обитаемые планетные системы и созданные его расой искусственные космические объекты. Эвакуационные транспорты в панике метались, пытаясь уйти от стремительно надвигающихся волн деструкции. Попытка спастись, уйдя через порталы в другие миры, провалилась практически сразу. Дрейф физических констант с самого начала заблокировал возможность переходов между параллельными мирами, словно защищая другие пространства от самоуничтожения, запущенного самонадеянными обитателями этого мира.

Печальный исход, и всё же этот риск стоил совершенной попытки. Все предыдущие проекты кереев казались Делвею мелочью по сравнению с его грандиозным замыслом. Чем могли похвастаться его предшественники? Да, они разработали технологию создания порталов между мирами, исследовали и заселили различными расами множество галактик, заставили эти расы воевать друг с другом и с цивилизацией Ядра миров. Тогда это казалось воистину грандиозным успехом, но разве можно сравнить его с возможностью подчинить себе всю физику вселенной? Увы, не получилось, но масштаб результата в любом случае впечатлял, особенно с учетом того, что выход всё же существовал, по крайней мере для него одного.

Делвей очень вовремя вспомнил об одной необычной лазейке, обнаруженной, как ни странно, не учеными его расы, а аборигенами одной из человеческих цивилизаций, тысячи лет назад созданных его предками. Люди обнаружили возможность переноса сознания в тело другого разумного существа. Несмотря на жуткую примитивность их мышления, им даже удалось осуществить один такой перенос, правда, только между двумя людьми и в пределах их собственного мира. Сознание пятидесятилетнего военного успешно переместилось в тело лежащего в коме смертельно больного подростка. Конечно, это открытие было не более чем случайностью и результатом элементарного везения, но теперь пришло время им воспользоваться, внеся в убогую технологию людей необходимые улучшения.

– Мониторы выставили стабилизационный барьер, – доложил биоморф. – Минута до контакта защитного поля с волной деструкции.

– Что с подготовкой переноса? – Делвей ощутил неприятную мышечную дрожь под спинным панцирем. В его мозг начали вползать липкие щупальца страха.

Нет, он не жалел о гибели своего мира. Он слишком долго шел к этому эксперименту, и всё же смог совершить то, что не удавалось еще никому. Уничтожить целый мир – великое достижение, даже если этот мир – твой собственный. Тем более великое, что ему самому спастись всё же удастся. По крайней мере, ученый на это твердо рассчитывал.

– Не слышу доклада! – прорычал Делвей. – Когда начнем перенос?

– Сильное сопротивление сознания реципиента, – помедлив еще немного, ответил биоморф. – Подавление его личности вызвало нерасчетные затруднения. Риск срыва процесса переноса повысился до тридцати процентов.

– Сколько еще нужно времени?

– Для достижения расчетных параметров требуется не менее сорока минут.

– База столько не продержится. Приступай немедленно! – приказал Делвей, отдавая приказ нейрокапсуле на полное слияние с организмом.

На несколько секунд окружающий мир померк, чтобы вновь вспыхнуть множеством красок. Теперь ученый воспринимал научную базу и окружающий космос, как часть своего тела. Полное слияние – опасный процесс, но он уже имел подобный опыт и знал, что его сознание способно с этим справиться.

– Стабилизационный барьер защитных мониторов пробит! – доложил биоморф. – До контакта волны деструкции с защитным полем станции семь минут. Процесс переноса запущен.

Сознание помутилось. Внезапно Делвей ощутил себя сразу двумя существами. Он был великим ученым, лежащим в нейрокапсуле научной базы, и одновременно метался в бреду на застеленной каким-то тряпьем койке в темной и грязной камере.

Теперь он хорошо понимал, что означали слова управляющего биоморфа о сильном сопротивлении сознания реципиента. Абориген не желал расставаться со своей личностью. Он всеми силами отбивался от внешнего воздействия, не пуская Делвея в свой мозг. Но всё же технологии кереев были сильнее, и ни одно примитивное существо не могло перед ними устоять.

– Базовые структуры личности загружены на сорок процентов, – голос биоморфа звучал в голове ученого, будто сквозь толстый слой звукоизолирующего материала. – Приступаю к адаптации нейронных связей цели к параметрам переносимого сознания. Обучаемость, воля, интеллектуальный потенциал.... Загрузка двадцать процентов. Требуемое время – четыре минуты.

– Успеваем, – мысленно произнес Делвей, испытывая чувство ни с чем не сравнимого удовлетворения.

– Перенос баз знаний.... Загрузка четыре процента... – продолжал безэмоционально бубнить управляющий биоморф.

Раздвоенность сознания никак не хотела исчезать, и это начинало вызывать у Делвея беспокойство. Абориген безнадежно проигрывал борьбу, но не прекращал сопротивляться. Секунды растянулись в часы, и в какой-то момент ученому показалось, что силы человека иссякают. Керей чувствовал, что сопротивление слабеет и с нетерпением ждал завершения процедуры переноса.

– Зафиксирован новый очаг адронного распада! – раскатом грома прозвучал в мозгу Делвея доклад управляющего биоморфа. – Дистанция пятнадцать световых секунд. Контакт волны деструкции с защитным полем станции! Силовой щит уничтожен! Критические повреждения инфраструктуры! Процесс переноса прерван...

Тело ученого превратилось в сгусток невыносимой боли, но длилось это состояние лишь ничтожную долю секунды. Мир в его сознании превратился в стремительно схлопывающуюся черную оболочку, неудержимо падающую на него со всех сторон. Удара Делвей не почувствовал. Для него просто наступила вечная тьма, а где-то в другом мире, отделенном от погибшей научной станции бесконечным лабиринтом многомерного пространства, а, возможно, и времени, со сдавленным криком проснулся шестнадцатилетний подросток, которому приснился самый страшный кошмар из всех, какие он только мог вспомнить.

Глава 1

На утренних занятиях я откровенно спал. Ночь выдалась беспокойной. Лёг я довольно поздно, а как только уснул, меня начали мучить кошмары, запомнившиеся, как ни странно, во всех деталях. Не помню, чтобы когда-нибудь раньше в моих снах встречался столь редкостный бред. Если честно, было очень страшно. Какая-то инопланетная хрень, закованная в толстый панцирь и вяло шевелящая десятком ног или лап, пыталась влезть в мой мозг, причем не физически, что было бы понятно и вполне приемлемо для обычного ночного кошмара, а ментально. Она словно выдавливала меня из собственного тела, глуша сознание и стремясь уничтожить мою личность.

Во сне я пытался бороться, и поначалу это даже неплохо получалось, но давление всё время нарастало, и в какой-то момент я почувствовал, что агрессор намного сильнее меня. Спротивляться я продолжал только из принципа. Впускать в свой мозг непонятную тварь категорически не хотелось, и, несмотря на безнадежно проигрываемую борьбу, на каких-то остатках воли мне какое-то время удавалось ее сдерживать. А потом, когда сил уже почти не осталось, всё внезапно закончилось, и я проснулся в холодном поту.

Кажется, во сне я кричал. Во всяком случае, когда я немного пришел в себя, все семеро моих соседей по подвальной клетушке, лишь в силу какого-то недоразумения называемой комнатой, не спали и удивленно смотрели на меня, а самый нервный из них – Игнат Воынин – негромко, но очень доходчиво разъяснял мне в не самых культурных выражениях, что меня ждет, если я еще раз разбужу его своими идиотскими воплями. В итоге уснуть я до утра так и не смог, и на занятия явился, мягко говоря, не слишком бодрым.

Тест по тригонометрии находился на грани провала. Вернее, он уже был безнадежно провален, поскольку из семи контрольных заданий лишь два вызвали в моем мозгу хоть какие-то ассоциации с чем-то знакомым. Остальные пять я мог разве что более или менее правильно прочесть и, возможно, даже понять, о чем в них говорится, но не более. Способы их решения я безнадежно забыл, а скорее всего, никогда и не знал.

Интернатские препода пытались научить нас хотя бы основам технических дисциплин, всё время напоминая, что вербовщиков не интересуют рекруты, не владеющие математикой, физикой, космографией и прочими бесполезными в обычной жизни предметами хотя бы на самом примитивном уровне. Впрочем, примитивным этот уровень казался только им самим. Мне же зубрить формулы и заучивать бесконечные названия звезд и скоплений представлялось тяжким и совершенно ненужным трудом, абсолютно неспособным как-то улучшить мою текущую жизнь. По крайней мере, мне так казалось до сегодняшнего утра. Теперь же я с некоторым удивлением осознал, что не вполне в этом уверен. Впрочем, всё это бред, конечно.

Вот если бы препода спросил меня, какие компоненты боевых роботов и летающих дронов Роя лучше всего берут серые скупщики, я бы многое мог ему об этом рассказать, как и о том, где можно добыть обломки их брони, а при некотором везении и отдельные ремонтпригодные узлы и механизмы. Еще лучше, конечно, пошли бы элементы вооружения подбитых машин Роя, но это уже несбыточные мечты. Не мне с моим убогим снаряжением соваться туда, где есть шанс найти плазменную пушку или генератор силового щита, хотя, в принципе, я и такие места знаю. Ну, теоретически.

Я с неохотой вновь сфокусировал взгляд на тригонометрических уравнениях. Совсем игнорировать тест было всё-таки нельзя – неприятностей не оберешься. Так можно и на особый контроль к директору попасть и, соответственно, к охране нашего, провалилось оно куда-нибудь поглубже, учебного заведения. А это чревато лишением возможности тихо и незаметно сваливать с территории интерната, чего допускать категорически нельзя. Сейчас от походов

в Руины в моей жизни стало зависеть слишком многое, так что в любом случае придется что-то из себя выдавить.

Тусклый и изрядно исцарапанный экран планшета отображал всё ту же безрадостную картину из семи нерешенных заданий. Я сосредоточился на уравнении, с самого начала показавшемся мне хоть как-то решаемым. Косинусы, тангенсы, котангенсы... Упростить выражение... Как же не хочется заниматься этой фигней. Или всё-таки не совсем фигней? Что за хрень опять в голову лезет? Так, препода, вроде, говорил, что в таких случаях надо убирать всю эту тангенсно-котангенсную шнягу и записывать выражение только через синусы и косинусы. И что мне это даст? Вместо компактного выражения получились невменяемые многоэтажные дроби. Ладно, попробуем вытянуть образовавшуюся бредятину в строчку, используя скобки, а потом привести дроби к общему знаменателю. Впрочем, зачем так ломать себе мозг? Воткнем сюда основное тригонометрическое тождество, и всё слегка устаканится. Вооот... Теперь можно и поделить одно на другое, и вся эта фигня начнет бодро сокращаться. Упс! Похоже, я где-то что-то потерял... Точно! Знак при раскрытии скобок забыл поменять. Ну, теперь-то точно должно всё схлопнуться... О, и впрямь. Красивая такая минус единица вылезла... Стоп! А что, собственно, происходит? Я что, эту лабуду решил до конца? Да как так-то?

С урока я вышел со слегка побаливающей головой. После того, как проснулся от пришедшего кошмара, башка пару часов болела просто невыносимо, но к утру всё прошло. Сейчас боль вернулась, правда лишь в виде слабой тени того, что было ночью. Ну так у меня мозги от этой тригонометрии чуть не вскипели! Из семи заданий я решил три, хотя рассчитывал показать препода какие-то зачатки знаний лишь в двух, даже не надеясь дойти до правильных ответов. Собирался просто продемонстрировать, что честно пытался хоть что-то сделать.

– Рич, ты чего такой сосредоточенный? – неожиданно прозвучал над ухом насмешливый голос Тироя. – Идешь, смотришь куда-то вдаль, никого не замечаешь.

– Не выпался.

– Надеюсь она того стоила? – еще с большим сарказмом поинтересовался лидер нашей старательской артели.

Тирой прекрасно знал, что из девушек меня уже несколько месяцев не интересует никто, кроме Нилы, воспитанницы второго года обучения, недавно переведенной в наш интернат откуда-то с севера. Вот только никакой взаимности с ее стороны, да пусть даже хоть какого-то минимального интереса к своей персоне, я добиться пока так и не смог, и это чрезвычайно бесило, поскольку раньше с подобным полным игнором я никогда не сталкивался.

Нельзя сказать, что все представительницы противоположного пола проявляли ко мне исключительную благосклонность. Бывали и довольно обидные обломы, хоть и нечасто, но вот с демонстративным и высокомерным равнодушием я столкнулся, пожалуй, впервые. Естественно, мои проблемы с Нилой не ускользнули от внимания парней из класса и товарищей по нелегальному старательскому промыслу. Не обошлось и без многочисленных подколов разной степени злобности, которые приходилось терпеть, поскольку сам дурак, ибо сделать с этим своим странным увлечением пока ничего так и не смог, хотя давно уже следовало плюнуть и забыть. В нашем вывернутом наизнанку мире постоянство чувств вообще выглядело чем-то необычным, а иногда и несло в себе немалую опасность, а уж долгие безответные вздохи тем более смотрелись более чем странно. Говорю же, сам дурак.

– Ты этим делом не слишком увлекайся, – не переставая ухмыляться, произнес Тирой. – Сегодня у нас рейд, если ты не забыл, и старатель Рич нужен мне бодрым и готовым к любым неожиданностям, а не сонным мечтательным первогодком. Уяснил?

В глазах Тироя мелькнули злые огоньки. Он был старше меня на два года и учиться в нашем интернате ему оставалось всего несколько месяцев. О том, чем он займется дальше, Тирой никогда не говорил, но я очень сомневался, что его ждет вербовочный пункт Федерации – обычный путь для детей, выросших в подземных ярусах города, почти полностью разру-

шенного орбитальными ударами Роя. К своим восемнадцати годам Тирой уже успел немного возвыситься над серой массой нелегальных старателей, промысляющих в Руинах. Его заметили, и, возможно, теперь его ждала опасная, но довольно перспективная карьера в структурах Синдиката. Спорить с ним уже сейчас было опасно, и я не собирался испытывать судьбу.

– Не беспокойся, к вечеру я буду в норме, – злой усмешки лидера я старательно не замечал.

Видимо, в моем голосе Тирой услышал достаточно уверенности. Во всяком случае, он лишь бросил на меня еще один внимательный взгляд и, ограничившись коротким кивком, исчез в неприметном техническом коридоре с низким металлическим потолком.

До вечера оставалась ещё уйма времени. Через пару минут должно было начаться занятие по космографии. Этот предмет у нас вела вполне себе симпатичная особа лет двадцати пяти. Когда-то я на нее даже заглядывался. Чисто теоретически, естественно, поскольку посмотреть там было на что, но делать в этом направлении какие-то реальные шаги я бы точно не рискнул. Мне ведь шестнадцать только недавно исполнилось, и я воспитанник первого года обучения. Не в моем статусе облизываться на препода – не поймут. Да и зачем эти сложности? Среди воспитанниц хватало весьма недурственных кандидаток на ни к чему не обязывающие отношения, и меня они вполне устраивали, пока не появилась Нила. Нет, с этим определенно требовалось что-то делать...

– Сегодня я познакомлю вас с владениями Федерации во Внешнем рукаве галактики, – как всегда немного грустно произнесла Анна Койц, развернувшись к нам в профиль. Не скажу про девчонок, но вниманием мужской половины класса этот маневр позволил ей завладеть безраздельно. – До Вторжения люди контролировали в этом регионе планетные системы двадцати четырех звезд, включавших сорок две обитаемые планеты с общим населением около ста пятидесяти миллиардов человек.

На объемной карте галактики, возникшей над нашими головами прямо посреди класса, один из периферийных рукавов Млечного Пути расцветился россыпью зеленых точек.

– Увы, Вторжение не обошло и эту область пространства, – в голосе Анны появились хорошо отрепетированные трагические нотки. – После нескольких последовательных ударов Роя остатки цивилизации сохранились лишь на восьми планетах, до которых Рой дотянулся уже на излете своего могущества. Одна из этих планет, как вы, несомненно, знаете, наша Бригана-3.

Гроздь ярких зеленых огней, оптимистично мерцавших на голограмме, медленно померкла, сменившись горсткой редких и бледных желтых отметок.

– Вам нужно запомнить названия этих звезд и планет, а также основные экономические показатели владеющих ими колоний, – наставительно произнесла учительница. – Именно с ними мы поддерживаем относительно стабильную связь и ведем торговлю. Увы, не слишком интенсивную. После Вторжения космические перелеты стали не просто роскошью. Они превратились в очень сложное, дорогое и зачастую рискованное мероприятие, окупить которое продажей перевозимых грузов стало почти невозможно.

– А как же вербовщики Федерации? – перебил Анну Вольнин.

– Немного терпения, Игнат, – чуть добавив в голос строгости, произнесла учительница. – Вербовщики – очень важная тема, со всеми деталями которой многие из вас столкнутся на практике через два с половиной года, после выпуска из интерната. Мы рассмотрим этот вопрос отдельно и очень подробно.

Я слушал Анну вполуха, с удовольствием разглядывая ее выдающиеся формы. И о вербовщиках, и о торговле с ближайшими звездными системами нашего сектора я знал едва ли не больше нее. В практической плоскости, естественно. Старатель, даже такой начинающий, как я, неизбежно погружается в эту тему достаточно глубоко. Артефакты, которые мы добываем в Руинах, уходят серым скупщикам, а потом волшебным образом всплывают на офици-

альном рынке. Частично их прибирают к рукам наши военные и полиция, но большинство товара достается торговцам из уцелевших колоний. Если же старателям удалось добыть что-то уникальное и очень ценное, артефакт может быть выкуплен представителями Федерации, то есть теми же вербовщиками, роль которых в дальних колониях выходит далеко за пределы простого отбора рекрутов для нужд федеральной армии. Правда, случается такое нечасто, и о каждом подобном случае среди старателей потом долго ходят всевозможные слухи и байки.

– Рич, по-моему, ты совсем меня не слушаешь и думаешь о чем-то своем! – с нотками возмущения в голосе произнесла учительница. – Не забывай, что от полученных на уроках знаний будет зависеть твоя дальнейшая судьба. Вам всем, воспитанникам первого года обучения, осталось всего два с половиной года до испытания, которое может стать главным в вашей жизни. Это время пролетит очень быстро, и вам не следует относиться к учебе столь легкомысленно.

Анна слегка нахмурила брови и воткнула в меня обвиняющий взгляд. Пожалуй, такой она мне нравилась еще больше. Ну, несколько месяцев назад так уж точно. А потом я увидел Нилу. Да что за бред со мной происходит-то? Я вообще о чем-то другом думать могу?

– Я вас очень внимательно слушаю, госпожа Анна, – поднявшись, ответил я, пытаюсь погасить в зародыше набирающий обороты воспитательный процесс, грозивший растянуться на несколько минут. – Я знаю, как много делает для нас администрация интерната и руководство нашей процветающей колонии, и у меня даже в мыслях не было относиться к учебе без должного прилежания.

– Ну, что у тебя в мыслях, я и так вижу по твоим глазам, – слегка озадаченно ответила учительница. Причина ее удивления лежала на поверхности. Половина класса тоже смотрела на меня, чуть не роняя на пол челюсти. Выразаться таким вычурным стилем я раньше был совершенно не склонен, да и сам, честно говоря, не очень понимал, что на меня нашло.

– Садись, Рич, и больше не отвлекайся, – наконец, справилась с нестандартной ситуацией госпожа Койц.

Ну и ладно. Я плюхнулся обратно в кресло с явным облегчением. Развивать эту тему мне совершенно не хотелось. Несмотря на высказанные вслух слова о заботливой администрации интерната и процветающей колонии, я, естественно, думал обо всем этом совершенно не то, что говорил, и Анна это прекрасно понимала.

Единственным смыслом деятельности интерната была подготовка кандидатов в рекруты для вербовщиков Федерации. Официально об этом никогда не говорилось, но только неисправимые любители смотреть на мир сквозь розовые очки не знали или не хотели знать, что за каждого принятого на службу воспитанника наше учебное заведение получало от вербовщиков немалую сумму, значительная часть которой расходилась непосредственно по личным счетам дирекции и преподавателей. Ну, а те, кто не проходил испытание, были вынуждены искать свое место здесь, в нашей нишей колонии, что для не имеющего никакого опыта выпускника было крайне непросто. Впрочем, для женской части выпуска альтернативное трудоустройство, как правило, не составляло особых проблем, если конечно, выпускниц устраивала специфика предлагаемой профессии.

Остальным неудачникам оставались колониальные силы самообороны и полиция, попасть в ряды которых тоже было весьма непросто, и немногочисленные вакансии в местном подобию мелкого бизнеса. Ну и, конечно, криминал, хотя Синдикат был весьма разборчив и брал к себе немногих, отбирая людей чуть ли не жестче, чем вербовщики Федерации. Нельзя, конечно, забывать и о черных старателях – одиночках, не работающих ни на Синдикат, ни на официальные власти, и промышляющих в Руинах на свой страх и риск. Вот только жизнь у этих ребят, как правило, хоть и яркая, но короткая. Во всяком случае, у большинства.

После космографии, на которой я не услышал для себя почти ничего нового, нам предстояло перейти в учебный класс, расположенный на другом ярусе, причем довольно далеко.

Помещения интерната были разбросаны по большому пространству. Официально считалось, что это сделано специально для уменьшения вероятности одновременной гибели всех воспитанников в случае ракетного удара со стороны Руин.

Такая угроза действительно существовала. Остатки планетарного десанта Роя контролировали территорию разрушенного позиционного района противокосмической обороны и обширную промзону, когда-то подступавшую почти вплотную к мегаполису и занимавшую две трети единственного континента Бриганы-3. Иногда Рой собирался с силами и атаковал ракетами и беспилотными дронами развалины города, из которого к нему просачивались отряды нелегальных старателей, и изредка совершали вылазки рейдовые группы колониальных вооруженных сил. Это противостояние длилось уже почти семьдесят лет и обычно протекало довольно вяло, если не считать нескольких неудачных попыток колониальной армии раз и навсегда решить проблему Роя и десятка прорывов боевых роботов противника на территорию разрушенного города. Во всех случаях эти удары не достигли поставленных целей и приводили лишь к большим потерям с обеих сторон. Вот только Рой терял мёртвое железо, а со стороны колонистов гибла не только техника, но и люди.

– Ну что, Рич, опять пойдешь длинным путем через седьмой магистральный? – с кривоватой улыбкой спросил Вольтин, прозрачно намекая на мои регулярные попытки как бы случайно встретить Нилу в коридорах интерната.

Я поймал себя на том, что ноги сами несут меня именно к переходу на седьмой магистральный, по которому, как я знал, сейчас вместе с одноклассницами должна идти на очередное занятие Нила.

– Когда-нибудь ты конкретно нарвешься, и сам будешь в этом виноват, – поддержал Игната Хань, единственный, пожалуй, из одноклассников, которого я мог с некоторой натяжкой назвать своим другом. – Давно следовало понять, что эта штука не для тебя. Она на год старше, что само по себе не в твою пользу, но главное не в этом. Что ты можешь ей предложить? На такие ножки и задницу найдется сотня охотников из воспитанников третьего года, да и за пределами интерната есть немало людей, способных дать ей на порядок больше, чем ты, и поверь мне, твоя навязчивость этих парней уже начинает раздражать. Если раньше над тобой только смеялись, вообще не воспринимая всерьез, то теперь, после того как ты стал контактировать с Тироем, тебя будут жестко ставить на место. Может быть, не прямо сейчас, но очень скоро.

Слышать такое от Ханя было обидно. Что-то подобное он уже говорил мне и раньше, но его слова лишь скользили по краю моего сознания, безнадежно отскакивая от идеализированного образа Нилы, который я тщательно выстроил в собственном мозгу, намертво вбив в затуманенную гормонами голову уверенность, что она обязательно оценит всю глубину моих чувств и очень скоро поймет, что лучше меня для нее никого нет. Почему же я всё это время был таким идиотом? Ведь и Хань, и, как это ни обидно, Вольтин, несомненно, правы.

– Нет, парни, сегодня я с вами, – чуть помедлив, выдал я, с трудом преодолевая сопротивление бушующей эндокринной системы подросткового организма. – Не хочу злить Сержанта очередным опозданием на его урок.

– Что-то раньше тебя это не останавливало, – чуть разочарованно протянул Вольтин и продолжил в своей обычной издевательской манере. – А как же Нила? Весь день ведь горевать будет, что тебя в коридоре не встретила.

Что бы я ни ответил, это выглядело бы жалко. Тут нужно либо сразу бить в морду, либо просто пожимать плечами. Я выбрал второе. В драке с Игнатом шансов у меня немного, да и наезд, в общем-то, того не стоил. Ну, и, если быть до конца честным с самим собой, Вольтин имел все основания для пренебрежительного отношения к моим умственным способностям. Голова человеку для того и дана, чтобы ей думать, даже если он подросток в пубертатном периоде. Пора мне, пожалуй, менять свои взгляды на жизнь, если я не хочу оставаться посмешищем для всех окружающих.

– А я думал, мы тебя теряем, – беззлобно усмехнулся Хань, – но ты, я вижу, не так уж безнадёжен.

– Это временно, – отмахнулся Воынин, – Вот увидит ее снова на общих занятиях по спортивно-боевой подготовке и опять с катушек слетит. А как тут не слететь, если все мыслительные процессы переданы из мозга в другие органы, совершенно для этого не предназначенные. Ладно, пойдем уже, а то действительно к Сержанту опоздаем.

Встретить Нилу в этом коридоре я никак не ожидал. Сейчас она вместе со своим классом должна была идти на очередной урок по седьмому магистральному, однако, видимо, администрация что-то опять начудила с расписанием, и теперь навстречу нам довольно плотной группой двигались воспитанники второго года обучения, среди которых ярким пятном выделялась высокая, подтянутая и очень энергичная особа, ставшая причиной моих многочисленных проблем.

Впрочем, в таком ключе я подумал о Ниле впервые и в очередной раз сам себе удивился. Раньше при виде этой красотки, всё время являвшейся центром внимания окружающих, любые попытки моего мозга хоть как-то анализировать ситуацию мгновенно смывались гормональным штормом, зомбировавшим сознание не хуже боевого психотропного препарата. Собственно, нечто подобное моя эндокринная система пыталась сделать и сейчас, причем не без успеха.

Я с огромным трудом и чуть не со скрипом в глазных мышцах заставлял бунтующий организм не пялиться на Нилу, приближавшуюся к нам до безумия сексуальной походкой. Казалось, в каждом ее движении, в никому конкретно не адресованной легкой улыбке, прячется скрытое обещание, причем выглядела она при этом предельно естественно, что, наверное, и придавало ее образу столь сильную притягательность.

– Рич, ты попал! – заржал Воынин, тоже увидевший Нилу. – Удача сама идет к тебе в руки. Беги и хватай, только смотри, не получи по рогам от парней из выпускного. Кажется, они тоже не прочь наладить контакт с воспитанницами второго года.

Игнат вновь был прав. Нилу, как всегда, сопровождали Инна и Ребекка – две ближайшие подруги, готовые ловить каждое ее слово. Внешними данными они ей почти не уступали, но вот держать себя так, как она, не умели. Впрочем, они явно стремились постигнуть это искусство, тщательно копируя поведение подруги.

Эта картина была для меня вполне привычной, вот только сегодня к компании Нилы добавились новые лица. Два крупных парня возрастом лет под восемнадцать весьма целеустремленно пытались произвести впечатление на девушек. Их имен я не помнил. За редкими исключениями воспитанники третьего года обучения не очень-то рвались с нами общаться. Действовали парни вполне грамотно. Один из них, явно более наглый и уверенный в себе, пытался завладеть вниманием Нилы, а второй вел оживленную беседу с ее подругами, не отдавая предпочтения ни одной из них.

Судя по реакции Нилы, она воспринимала происходящее, как должное и держалась несколько отстраненно, всем своим видом демонстрируя, что слова настойчивого собеседника её слегка развлекают, но не более. Впрочем, изображать она могла всё что угодно, но меня не оставляло ощущение, что некоторую заинтересованность она всё же испытывает, хоть и стремится сделать так, чтобы этого никто не заметил. Правда, в адекватности своих оценок я сильно сомневался. Во мне могла говорить подстегнутая гормонами ревность, способная исказить реальную ситуацию до неузнаваемости.

Отвлекаясь на эти размышления, я потерял контроль над своими глазами, и они намертво прикипели к лицу Нилы. Обрував себя последними словами, я отвел взгляд, однако, как оказалось, слишком поздно. Мое внимание было замечено, причем не только Нилой, но и претендентом на ее благосклонность. Он что-то спросил у Нилы, кивнув в мою сторону. Она коротко ответила, и боковым зрением я заметил, как ее легкая улыбка на мгновение приобрела

пренебрежительный оттенок, а несколькими секундами позже Массуд, я всё-таки вспомнил, как его зовут, уже шел в мою сторону.

Я не смотрел ни на него, ни на Нилу, делая вид, что увлечен разговором с Ханем и Игнатом, однако из поля зрения старшеклассника не выпускал. В том, что меня ждет какая-то пакость, я ни секунды не сомневался. Видя, что я не обращаю внимания на его приближение, Массуд тоже не торопился выдавать свои намерения. Что он задумал, я, конечно, знать не мог, но, скорее всего, нечто неожиданное и достаточно унижительное, чтобы разом поставить на место потерявшего берега первогодка.

Противник был со мной примерно одного роста, но старше, несколько тяжелее и явно сильнее. Тем не менее, судя по его походке и другим движениям, в координации и скорости реакции я мог рассчитывать на некоторое преимущество. В серьезной драке этого вряд ли хватило бы для победы, но позволять безнаказанно себя унижать я в любом случае не собирался, хоть и отдавал себе отчет в том, что последствия могут быть достаточно печальными. Однако лучше получить несколько болезненных ударов и походить какое-то время с разбитым лицом, чем безропотно признать себя побежденным. Здесь такое не прощается.

В паре шагов от нашей компании Массуд, делавший до этого вид, что просто идет мимо по своим делам, резко сменил направление движения и мощным толчком двумя руками в грудь отправил меня в полет к стене коридора. Вернее, это он думал, что отправил. Начало его движения я заметил, но среагировал только в самом конце. Наверное, я мог и полностью избежать толчка, но мне требовалось, чтобы ситуация имела однозначную трактовку. Ни у кого не должно было остаться сомнений, что именно старшеклассник стал инициатором конфликта и первым перешел к его активной фазе. Поэтому метра на полтора я всё-таки отлетел, но на ногах устоял и даже почти не потерял равновесия.

Массуд, явно рассчитывавший на другой результат, после толчка продолжил движение вперед, стремясь как можно быстрее оказаться над ошеломленным противником для продолжения вдумчивого воспитания неразумного первогодка, однако неожиданно для себя столкнулся со мной лицом к лицу. Пожалуй, именно этот момент и был моим единственным шансом.

Мало кто из воспитанников интерната не имел опыта жестоких подростковых драк в плохо освещенных коридорах подземных ярусов разрушенного мегаполиса. Был такой опыт и у меня, причем, достаточно серьезный и помноженный на недолгий, но интенсивный курс обучения с неплохим тренером. Синдикат внимательно присматривался к перспективным подросткам из уличных банд, давно служивших источником пополнения для его боевых отрядов, и даже иногда позволял им заниматься вместе со своими бойцами. Втянуло в подобную историю и меня, но, на счастье, мне хватило мозгов вовремя соскочить с этого поезда. Возможно, мне просто повезло. Банда попала под полицейский патруль, а я в это время болел какой-то вирусной хренью и отлеживался в нашей берлоге, что меня в итоге и спасло. Район я сменил и больше старался в тех краях не появляться. Этого вполне хватило, чтобы исчезнуть из поля зрения тех мелких сошек из Синдиката, которые мной занимались, а более крупных функционеров четырнадцатилетний подросток вряд ли мог заинтересовать. Всё это, правда, относилось к моей прошлой жизни, еще до интерната, а афишировать здесь такие вещи я считал совершенно лишним.

Массуд оказался не вполне готов к резкому изменению ситуации. С реакцией у него дела обстояли лучше, чем я ожидал, и он всё же попытался схватить меня за отвороты куртки, однако его пальцы сомкнулись в пустоте. Заученным движением я скользнул противнику за спину и с трудом удержал руку от хорошо отработанного удара в основание черепа. Вместо этого я слегка толкнул его раскрытой ладонью между лопаток, и, когда Массуд сделал пару произвольных шагов вперед, отвесил ему смачный пинок, от которого старшеклассник улетел к той самой стене, куда несколько секунд назад хотел отправить меня.

– Рич, ты идиот! – прошипел Хань, мгновенно оценивший ситуацию. – Зачем так-то? Он этого унижения никогда тебе не простит.

Вокруг уже собиралась толпа из воспитанников первого и второго годов обучения. Краем глаза я заметил выражение лица Нилы. Странное было выражение. Она, конечно, старалась, чтобы никто ничего не заметил, но досада в ее взгляде всё-таки мелькнула. Похоже, я своими действиями спутал ей какие-то планы. Видимо, Массуд интересовал её больше, чем она демонстрировала окружающим, но после того, как он прилюдно облажался, развитие с ним отношений выглядело не так перспективно.

– Молись, гаденыш, – прошипел Массуд, поднимаясь с замусоренного пола. Его товарищ, увидевший результат явно незадавшегося воспитательного процесса, тоже двинулся вместе с ним в мою сторону.

– Какой же ты всё-таки урод, Рич! – тихо, но не менее зло высказался Волынин.

Несмотря на свои слова, Игнат встал рядом со мной, давая понять Массуду и его товарищу, что дело им придется иметь не только со мной, но и с ним. По другую сторону от меня немедленно нарисовался Хань. Я был для них своим, хоть и повел себя, как последний дурак, и не вписаться за меня в такой ситуации по всем понятиям считалось не самым достойным поступком.

– Массуд, остынь, ты сам наварлся, – громко, чтобы все слышали, произнес Волынин. – Напал без предупреждения вместо того, чтобы просто поговорить. Рич был в своем праве.

Все эти слова ничего не значили. Не только я, но и все окружающие прекрасно понимали, что произошло и чем смываются подобные оскорбления. Что меня дернуло дать ему пинка? Ну врезал бы под дых, он бы и сложился. Может быть. А может и не быть... В любом случае всё бы ограничилось умеренной обработкой кулаками моей тушки. Либо сразу, либо чуть позже, когда меня отловили бы в каком-нибудь тихом коридоре. А что теперь? И, главное, ради чего? Хотел порисоваться перед Нилой? Да, пожалуй, дело не в этом. И так уже ясно, что с ней у меня не срослось, не того полета птица. Тогда что? Ладно, что бы ни было, втягивать сюда Ханя и Игната явно не стоит.

– Массуд, это ведь только наша с тобой проблема, – я смотрел в глаза противнику, ни на секунду не отводя взгляда. – Не стоит вмешивать сюда посторонних.

Еще одна ритуальная фраза. Старшекласник, конечно, мог ее проигнорировать, но это уже потеря лица, а добавлять к полученному пинку еще и это он явно не хотел.

– Мне не нужна помощь, Джей, – мгновение поколебавшись, прорычал Массуд. – Я сам с ним разберусь.

– Игнат, Хань, – негромко произнес я, – спасибо, но этот вопрос я должен решить сам.

– Как скажешь, – с явным облегчением ответил Волынин, делая шаг в сторону. Спустя секунду его примеру последовал Хань.

Толпа сомкнулась вокруг нас, стихийно образовав некое подобие арены. Противник нехорошо усмехнулся и сделал первый шаг по направлению ко мне.

– Оставь его, Массуд, – неожиданно прозвучало из-за спин зрителей.

– В чем дело, Тирой? – Массуд был явно раздражен неожиданной задержкой. – Мы должны решить это здесь и сейчас.

– Рич нужен мне сегодня вечером живым, здоровым и бодрым, – спокойно ответил мой непосредственный начальник по нелегальному бизнесу. – Перенесите свои разборки на завтра. Надеюсь, ты понимаешь, что, выведя Рича из строя сейчас, ты создашь проблемы не только мне. Могут пострадать интересы уважаемых людей. Ты хочешь их расстроить?

– Так он что, под защитой? – удивленно приподнял бровь Джей.

Товарищ Массуда сам не верил в то, что говорил. Защита Синдиката – штука редкая, и уж точно не может быть обещана никому не интересному шестнадцатилетнему подростку,

если, конечно, он не сын кого-то из смотрящих не самого низкого ранга, но дети таких людей к нам в интернат не попадают.

– Нет, естественно, – снисходительно усмехнулся Тирой, всем видом показывая Джею, что тот сморозил явную глупость. – Если тебе так проще, считай, что он под моей личной защитой. С этого момента и до завтрашнего утра, но не дольше.

– Хорошо, Тирой, – кивнул Массуд. – До завтра я подожду, но только из уважения к тебе.

Старшеклассник презрительно сплюнул на грязный пол, наградил меня ненавидящим взглядом и, грубо толкнув плечом кого-то в толпе, зашагал прочь. На Нилу он даже не посмотрел. Пока нанесенное оскорбление не смыто моей кровью, ничего хорошего он в ее глазах увидеть не рассчитывал. Нет, убивать меня Массуд, наверное, не собирался, но мне очень сильно повезет, если при завтрашней встрече с ним я сумею избежать серьезных травм.

Я тоже не стал искать Нилу взглядом. После всего случившегося я твердо решил покончить с этой странной зависимостью. Поддавшись ее женскому магнетизму, я несколько месяцев таскался за ней, как тупой зомби, хотя оно того явно не стоило. Яркая оболочка скрывала под собой циничную стерву, и то, что тот Рич, которым я был еще прошлым вечером, так и не смог этого понять, казалось мне сейчас странным недоразумением или помрачением рассудка. Второе, видимо, было ближе к истине.

Со мной вообще происходило что-то странное. С каждым часом мои взгляды на происходящее стремительно менялись. Я начинал замечать детали, которые раньше проходили мимо моего сознания, и совершенно иначе оценивать действия окружающих. То, что я творил еще совсем недавно, считая, что веду себя достойно и по-взрослому, теперь казалось мне подростковыми закидонами и полной глупостью. Впрочем, окончательно избавиться от инерции подросткового мышления и бешеного давления гормонов мне пока так и не удалось, что и подтвердилось в стычке с Массудом, но даже с учетом этих факторов я стал смотреть на мир куда более трезво, чем буквально сутки назад.

– Рич, ты создаешь мне проблемы, – недобро произнес Тирой.

За размышлениями я не заметил, как лидер нашей небольшой артели подошел ко мне вплотную. Хань и Игнат благоразумно отошли в сторону, чтобы не мешать нашему разговору.

– Где ты видишь проблемы? – я изобразил искреннее удивление. – Спасибо за помощь, но я ведь не просил тебя за меня вписываться.

– Головой думай, – сквозь зубы прошипел Тирой. – Говорят, это иногда помогает. За защиту будешь должен. Сегодня отработаешь полуторную норму.

– Как скажешь, лидер, – я демонстративно пожал плечами, – но еще раз хочу тебе напомнить, что я эту услугу не заказывал.

– Поэтому и полуторную, а не двойную, – уже более спокойно ответил Тирой. – Мне пришлось надавить на Массуда, чтобы вечером ты был в форме и не сорвал нам рейд. Не окажись я рядом, так бы и случилось. Сам должен понимать, что накосячил.

– Ты так уверен, что он бы меня отделал до потери сознания?

– А ты думаешь иначе? – с усмешкой покачал головой лидер. – То, что ты смог подловить его на неожиданном приеме – твоя несомненная удача, но этого мало. Эффекта внезапности больше не будет, а его сила, мышечная масса и возраст никуда не денутся. Он тебя сделает, даже не сомневайся, так что завтра советую побыть немного тушкой для битья и не особо сопротивляться, иначе без переломов не обойдется. Впрочем, я тебе так и так не завидую, но это твои проблемы, а сегодня с тебя полторы нормы. Так уж и быть, выдам тебе на этот рейд базовый комплект снаряжения вместо того начального дерьма, с которым ты ходил раньше. Считай это наградой за доставленное удовольствие. Пинок ты Массуду зарядил отменный, а значит, что-то всё-таки можешь. Всё, некогда мне тут с тобой разговоры разговаривать, надо остальных на рабочий лад настроить.

Глава 2

Проблем с тем, чтобы незаметно покинуть территорию интерната у нас не возникло. Многочисленные технические коридоры, частично разрушенные при орбитальных бомбардировках, почти не контролировались охранными системами. То, чем занимались воспитанники после занятий, администрацию почти не волновало. Раньше я не задавался вопросом почему так происходит, но теперь эта ситуация показалась мне странной. Впрочем, причин могло быть много. Я бы не удивился, узнав, к примеру, что у Тироя или, что вероятнее, у его покровителей давно выстроены взаимовыгодные отношения с интернатской охраной, а может и с полицией. Уж слишком легко мы каждый раз проходили мимо всех постов и без всяких проблем проникали в промзону, считавшуюся территорией, контролируемой Роем.

На поверхность мы поднялись уже за пределами города. Формальная граница между мегаполисом и промзоной существовала только на картах, составленных еще до Вторжения. Фактически же жилые кварталы и деловая застройка плавно переходили в производственные комплексы, соединяясь с ними одними и теми же улицами и магистральными коридорами. Орбитальные удары уничтожили верхние ярусы, разрушив большинство жилых и промышленных зданий и обнажив довольно обширные участки поверхности. Земли, правда, почти нигде видно не было. Она и до Вторжения была по большей части покрыта пластобетоном, а теперь её скрывал еще и толстый слой обломков рухнувших и выгоревших строений.

Тем не менее, относительно открытые участки встречались, особенно в тех местах, где взрывалось что-то мощное, сметая стены и переборки и расчищая местность от обломков. Здесь уже можно было нарваться на функционирующую технику Роя, но вероятность такой встречи оставалась невысокой. Появлялись здесь и рейдовые группы колониальных сил самообороны, однако на такие вылазки они решались нечасто и предпринимали их лишь по необходимости или в силу полученного сверху пинка.

– Напоминаю всем еще раз, – с видом воспитателя приюта, приучающего тысячного по счету ребенка не писать в штаны, произнес Тирой, – правила выживания на нейтралке просты и незамысловаты, но обязательны к исполнению, если, конечно, вам дороги ваши задницы. Я говорю это каждый раз, когда мы входим в зону Руин, и при этом почти всегда находится кретин, который в погоне за очередным куском какого-нибудь дешевого дерьма забывает обо всем и подставляет под удар себя и всю группу. Итак, правило первое: никто не должен покидать указанный мной район поиска. Только в этой зоне я смогу вас прикрыть в случае появления реальной опасности. Второе: забудьте про коммуникаторы. Роботы Роя, да и колониальные вояки легко засекут сигнал, поэтому все переговоры только голосом, а на большом расстоянии – жестами. Отсюда же следует третье правило: крутите вашими тупыми головами. Вы должны видеть всё, что происходит вокруг, вовремя обнаруживать угрозы и, если я или кто-то другой подаст сигнал об опасности, вы обязаны его увидеть и вовремя отреагировать. И ещё раз напомню про сканеры. Использовать их можно только на средней мощности. На максимуме они нарушают работу ваших маскировочных полей, так что, даже если вам кажется, что вот под этой плитой лежит и ждет вас энергоячейка Роя или плазменная пушка, засуньте свои предчувствия куда поглубже и не вздумайте превышать допустимый порог мощности сканирования. Вам всё ясно?

Ответом лидеру стали четыре мрачных кивка. Мы действительно выслушивали подобный инструктаж всякий раз, когда выходили в рейд, но, как ни обидно, Тирой был прав – редко когда никто не нарушал эти написанные кровью нехитрые правила, и зачастую такие нарушения приводили к гибели старателей. Поэтому никто не возмущался. Выслушивали молча и так же молча кивали.

Полоса шириной пять-семь километров, вытянувшаяся вдоль границ разрушенного мегаполиса, считалась чем-то вроде нейтральной зоны, появление в которой отдельных роботов Роя не вызывало у жителей городских развалин особой тревоги. Рой тоже реагировал на обнаружение здесь вооруженных людей довольно вяло, так что противостояние на этой территории, как правило, ограничивалось редкими стычками малочисленных групп противников, не приводящими к эскалации конфликта.

Начинающие старатели вроде меня как раз и паслись в основном в этом преддверии Руин. Почти семьдесят лет назад здесь состоялось несколько крупных наземных сражений, и мешанина обломков изобиловала ценными сплавами и фрагментами систем и агрегатов, оставшимися на месте гибели боевых машин Роя и военной техники колониальной армии. Сейчас такие вещи делать уже не умели, однако использовать наследие той давней схватки люди всё еще могли, так что скупщики довольно прилично платили за находки из Руин, легализуя их потом с использованием различных серых схем и продавая на официальном рынке.

Конечно, со времен Вторжения прошло уже немало лет, и самое ценное из нейтральной полосы уже успели вытащить, но тут всё еще оставалось немало полезного для того, чтобы неплохо вознаграждать старателей за их тяжелый и опасный труд. Люди здесь гибли регулярно. Собственно, именно таким образом и происходила ротация кадров в небольшой артели Тирою. Предложение войти в ее состав я получил после того, как из очередного рейда не вернулся мой предшественник – воспитанник второго года обучения из нашего интерната. Тирой этого особо и не скрывал, да и сложно было не связать скупой некролог, выложенный администрацией в официальной инфосети, с последовавшим через пару дней разговором с Тироем.

Почему он выбрал именно меня? Сложный вопрос. Получив предложение, я думал совершенно о другом. Тогда в моей голове вертелась одна только Нила, и стабильный источник дохода вместе с бонусом в виде ауры таинственности, окружавшей, как я тогда думал, образ серого старателя, воспринимался мной, как новая возможность обратить на себя ее внимание. Сейчас я смотрел на эту ситуацию несколько иначе, и чем дальше мы углублялись в Руины, тем более мрачные мысли бродили в моей голове.

Ночи на Бригане-3 тёмными не бывают. Три крупных спутника планеты дают достаточно много света, но ими ближайшее окружение планеты далеко не ограничивается. Рой так и не смог свалить с орбиты две из восьми орбитальных крепостей. Как военные объекты они перестали существовать, но не взорвались и так и продолжали вращаться вокруг планеты исковерканными памятниками прошедшей войне, исправно отражая свет желтого и голубого компонентов нашей двойной звезды. Кроме крепостей по самым неожиданным орбитам вокруг планеты крутились несколько сотен крупных обломков, когда-то бывших частями кораблей Роя, федерального флота и эскадры прикрытия системы Бриганы. Вместе со своими естественными коллегами эти искусственные спутники фактически превращали ночь в светлые сумерки.

Около часа мы осторожно двигались через нейтральную полосу. Здесь, вблизи города, тоже можно было что-то найти, но, как правило, усилия себя не оправдывали, и Тирой вел нас в более перспективные места, к сожалению, одновременно являвшиеся и более опасными.

В артели я был самым младшим и по возрасту, и по статусу. Это определяло отношение ко мне остальных старателей. Оказывать новичку поддержку и помощь никто из них не спешил, и в этой среде такой подход считался нормальным. Необходимые инструкции давал Тирой, а остальное – твои проблемы. На разделе добычи мое положение сказывалось не лучшим образом. Половина собранного всегда отходила Тирое. Не всё, конечно, ему лично. Артели серых старателей держали под плотным контролем смотрящие Синдиката. Нельзя сказать, что их боевики прямо дышали нам в спины. Некая иллюзия самостоятельности у нас всё же имелась, но именно что иллюзия.

После того, как лидер забирал свою долю, оставшаяся половина трофеев распределялась между нами пропорционально личному вкладу каждого и с учетом стажа нахождения в артели

и общих заслуг. Каждый старатель получал четверть от стоимости собственноручно собранных артефактов. Еще четверть общей добычи делилась в зависимости от количества паев, назначенных Тироем каждому из старателей. Я единственный обладал всего одним паем, а, к примеру, у Дженго, ближайшего помощника лидера, их было пять. По итогам каждого рейда Тирой мог перед разделом добычи добавить кому-то один или несколько паев за грамотные действия или же наоборот снять их за нарушения правил и прочие косяки. Последнее случалось заметно чаще, чем первое. К моему сожалению, премии и штрафы учитывались только при подведении итогов конкретного рейда, и к следующему походу в Руины я опять оставался при своем одном паве. Эта довольно сложная система распределения добытого позволяла Тирою управлять артелью и хоть как-то мотивировать старателей соблюдать дисциплину и действовать командой, но в результате я почти всегда получал меньше всех.

Сдачей найденных артефактов скупщикам обычно занимался сам Тирой, но мог поручить это и кому-то из рядовых старателей, правда, такое доверие еще нужно было заслужить. Иногда он брал на сделку кого-то из нас, демонстрируя, что продает товар именно по тем ценам, о которых нам говорит, и создавая видимость честного раздела добычи. Как оно обстояло на самом деле, сказать сложно. Лидеру ничто не мешало встретиться потом со скупщиком еще раз и получить с него какие-то дополнительные деньги. Впрочем, примерные цены нам были известны, так что, если Тирой и крысятничал, то делал это по мелочи или только на нестандартных находках.

С каждой минутой Тирой продвигался вперед всё медленнее и осторожнее, иногда останавливаясь и тщательно обследуя развалины с помощью сканирующего комплекса. Лидер был единственным среди нас, кто имел более или менее приличную экипировку. Его сканер видел намного дальше, чем наши примитивные поделки, собранные далеко не лучшими механиками Синдиката из самых дешевых запчастей, найденных здесь же или обмененных у скупщиков на другие столь же бросовые артефакты. Впрочем, если верить Тирою, для этого рейда он выдал мне снаряжение чуть лучшего качества, хотя разница вряд ли велика, и сделано оно всё из того же оптоэлектронного мусора.

– Работать будем здесь, – наконец, принял решения Тирой, остановившись на небольшой возвышенности, с которой почти во все стороны Руины просматривались метров на сто пятьдесят, а где-то и на двести.

Я остановился, оглядываясь вокруг и оценивая выбор лидера. Мертвых зон, создаваемых крупными обломками, конечно, хватало, но по-другому здесь и не бывает, так что вряд ли это место чем-то хуже других.

– Я займу позицию в тех развалинах, – лидер указал рукой на огрызки почерневших пластобетонных стен, за которыми угадывались металлические останки какого-то промышленного оборудования, покрытые рыжей окалиной и причудливо скрученные воздействием высокой температуры. – Сектора разбираем вокруг меня по обычной схеме. Глубина поиска не больше ста метров. Увижу кого-то, кто полезет дальше – сразу уполовиню пай. И это если своей тупостью вы не навлечете на нас неприятности. Уяснили?

Мы опять молча кивнули, и Дженго начал распределять старателей по секторам. Меня, как обычно, загнали на самое бесперспективное направление. Справа почти треть моего сектора занимали покосившиеся массивные опоры, между которыми бесформенной грудой лежали остатки какого-то рухнувшего сооружения, когда-то поднимавшегося высоко над поверхностью и составлявшего, видимо, часть второго, а то и третьего яруса промзоны. На довоенных картах оно было отмечено, как грузовая гравиконтейнерная магистраль. Как эта штука выглядела до орбитального удара, я не знал, да и чем бы мне это помогло? Сейчас она представляла собой исковерканные решетчатые фермы, сорванные с опор серией весьма неслабых взрывов и местами оплавленные попаданиями плазменных зарядов. Лезть в эту меша-

нину бесполезного промышленного металла, ошестинившегося острыми штырями разорванной арматуры, представлялось крайне опасным и совершенно бессмысленным занятием.

Левая часть выделенной мне зоны поиска оказалась высоким неровным гребнем, созданным краями нескольких крупных воронок. Собственно, они и занимали почти весь центр моего сектора, уходя к его дальнему концу неровной цепочкой. После такой качественной обработки здесь вряд ли могло уцелеть хоть что-то. По крайней мере, на первый взгляд. Времени на распределение секторов Тирой нам дал немного, так что особо присматриваться к этому направлению остальные старатели не стали, сходу определив его как тухлое и скинув на новичка.

Во мне закипела злость, однако в этот раз справиться с ней удалось на удивление легко. Раньше я, возможно, попытался бы спорить с Дженго, однако сейчас у меня даже такой мысли не возникло – всё равно результат известен заранее, а самолично нарываться на очередной презрительный ответ просто глупо.

Я начал медленно пробираться через груды обломков, внимательно осматривая доставшуюся мне зону поиска. Меня заинтересовала одна деталь, заметить которую при беглом осмотре сектора было не так уж просто. Отойдя метров сорок от позиции Тирою, я убедился, что с этим местом всё не так просто, как представлялось на первый взгляд. Не вызывало никаких сомнений, что окружающий печальный ландшафт в основном сформировался в результате орбитального удара, разрушившего строения нескольких ярусов промзоны. Однако в эту картину вписывались далеко не все повреждения, полученные искореженными фермами гравиконтейнерной магистрали. В некоторых местах на металлических конструкциях и пластобетонных опорах были видны неплохо сохранившиеся следы попаданий плазменных зарядов, оставленных чем-то намного менее мощным, чем пушки и ракеты тяжелых кораблей, обрабатывавших промзону с орбиты.

Из этих наблюдений следовал довольно очевидный вывод. Уже после атаки из космоса здесь столкнулись в бою наземные силы Роя и колониальной армии. Возможно, даже не один раз. Конечно, совершенно не факт, что именно в моем секторе стороны понесли серьезные потери, но шанс на это имелся, и к поиску обломков стоило подойти со всей тщательностью.

Я включил сканер на среднюю мощность. В глубине небольшого мутноватого экрана возникло объемное изображение местности, попавшей в зону захвата его поискового луча. Старательские сканеры настраивались на обнаружение сплавов определенного состава, характерного для брони и элементов боевого оснащения роботов Роя и техники колониальных войск времен Вторжения. При широком луче получить детальную картинку не представлялось возможным, да и злоупотреблять этим режимом не стоило из-за повышенного риска быть обнаруженным.

Я сузил сектор сканирования и попытался подробнее изучить местность вокруг обнаруженных следов попаданий плазменных зарядов. В кого-то ведь здесь стреляли, а значит, могли и попасть. Эта нехитрая тактика поиска, конечно, не гарантировала успеха. Прежде всего потому, что всё вкусное запросто могли вычистить другие старатели задолго до моего появления. Тем не менее, это давало хоть какой-то шанс, и не воспользоваться им было бы странно.

Первый результат мои усилия принесли минут через десять. Находка оказалась более чем скромной. Небольшой причудливо изогнутый кусок брони лежал довольно глубоко под крошечным пластобетоном и мне пришлось изрядно повозиться, чтобы до него добраться. Судя по всему, когда-то он был частью экипировки тяжелого пехотинца колониальных войск. При другом раскладе я, возможно, не стал бы тратить время и силы на извлечение столь дешевого артефакта, но пренебрегать первой добычей в рейде считалось плохой приметой.

Суевериями я не страдал, однако особых перспектив добыть здесь что-то серьезное не просматривалось, а возвращаться к Тирою пустым означало вызвать очередную волну насмешек и еще сильнее уронить свой и так невеликий авторитет в нашей артели. Вот такая сволочная система. Чем меньше приносишь добычи, тем хуже отношение к тебе лидера и других старателей, ведь от твоих успехов прямо зависят их доходы. А это значит, что тебя всегда

будут отправлять на самые бесперспективные направления, где почти невозможно найти что-то действительно ценное, что позволило бы хоть немного исправить ситуацию. Классический замкнутый круг.

Подобные мысли крутились в моей голове очень часто, но сегодня к ним добавилось кое-что новое. Я словно посмотрел на себя со стороны и грустно усмехнулся. Бесплодное нытье никогда не приносит результата, а только усугубляет проблему. Пора взрослеть, Рич, если ты, конечно, действительно хочешь перестать ходить в неудачниках, обвиняя во всех своих бедах несправедливость и жестокость окружающего мира.

Извлеченный обломок отправился в рюкзак. Весил он всего граммов триста, что особо радовать, конечно, не могло. Я перевел сканер в режим узкого луча и на всякий случай тщательно просканировал выкопанную ямку. Случалось, дополнительные сорок-пятьдесят сантиметров, выигранные за счет погружения сканера в углубление, давали возможность обнаружить что-то интересное чуть глубже, чем, это можно было сделать с поверхности.

Все эти действия я выполнял чисто механически, не особо рассчитывая на успех, занятый своими невеселыми мыслями, однако странный глюк, приключившийся со сканером, не прошел мимо моего внимания. Когда я опустил прибор почти к самому дну ямы, он самопроизвольно переключился на максимальную мощность. Произошло это без всякого моего участия и длилось меньше секунды. Если бы я в это время не вглядывался в мутный экран, мог бы и не заметить странного скачка мощности.

Отпрыгнув за ближайший крупный обломок, я выключил сканер и замер в неподвижности. Конечно, импульс повышенной мощности длился совсем недолго, был сфокусирован узким лучом, и его источник находился в выкопанном мной углублении, но Тирой не зря предупреждал нас об опасности, и я отлично понимал, что невовремя взбрыкнувший прибор действительно мог навлечь на нас неприятности.

В укрытии я просидел минут пять, напряженно размышляя, что делать дальше. Снова включать сканер у меня не было никакого желания. По-хорошему, мне следовало вернуться к Тирою и доложить о проблеме. С другой стороны, лидер мог и не поверить, что прибор сработал самопроизвольно. Что взять с новичка? Увлёкся поиском, разозлился, что не может найти ничего стоящего и захотел поглубже просканировать слой обломков. Врубил сканер на полную, а потом сам испугался того, что сделал. Такой поворот меня категорически не устраивал, и чем дольше я анализировал ситуацию, тем больше мне казалось, что именно так всё и будет вывернуто, ведь, рассказав свою историю Тирою, я, по сути, обвиню его в том, что он выдал мне неисправный сканер, чем подставил и меня, и всех остальных старателей.

И всё же оставаться на месте и ждать меня заставляли не только эти соображения. Я не успел разобрать деталей, но, похоже, сканирующий луч повышенной мощности успел высветить под толщей обломков что-то интересное. Под почти метровым слоем грунта, перемешанного с осколками пластобетона и рваной арматуры, сканер увидел нечто, напоминающее небольшой цилиндрический контейнер, изготовленный явно не из промышленных сплавов. Не в моей ситуации упускать такую добычу.

Подождав еще немного, я осторожно выглянул из своего укрытия и внимательно осмотрел окрестности. Пока ничего подозрительного не наблюдалось. Ни Тироя, ни других старателей видно не было, хотя какие-то невнятные шумы со стороны их секторов поиска доносились. Бесшумно перемещаться по обломкам и особенно выкапывать из-под них найденные артефакты получалось далеко не всегда.

Вернувшись к месту раскопок, я снял с пояса вибробур и, стараясь не слишком шуметь, начал расширять и углублять яму. Контейнер лежал не прямо под найденным мной осколком брони, а чуть в стороне, и это усложняло работу. Поначалу мне казалось, что не такое уж громкое жужжание бура разносится вокруг на многие километры, но на самом деле груды обломков неплохо гасили звук, так что я довольно быстро успокоился и сосредоточился на деле.

Пластобетон послушно расползлся под напором рабочего эффектора бура, рассыпаясь тонкой пылью, однако простой назвать мою работу было нельзя. Порода постоянно приходилось извлекать из ямы и при этом не забывать посматривать по сторонам. Я весь извозился в серой пыли, но работу не прекращал. Примерно через полчаса стало ясно, что направление я запомнил не совсем правильно, что и неудивительно, ведь изображение контейнера на экране сканера я видел меньше секунды.

Немного поколебавшись, я всё же решился снова включить прибор, опустив его на самое дно раскопа и заранее выставив луч на минимальную мощность. Контейнер обнаружился не совсем там, где я ожидал, но он был! Значит, он существовал на самом деле, а не привиделся мне со страху. Я уже поднес палец к сенсору выключения сканера, когда подлый аппарат вновь скачком перешел в режим максимальной интенсивности сканирующего излучения.

– Да чтоб тебя! – выругавшись сквозь зубы, я придавил сенсор, и сканер послушно выключился.

Осторожно выглянув из ямы, я вновь внимательно оглядел дальнюю часть своего сектора. Ничего подозрительного по-прежнему видно не было, и я с нетерпением вернулся к раскопкам. Извлечь артефакт удалось минут через десять. Слегка деформированный тридцатисантиметровый цилиндр оказался довольно тяжелым и выглядел очень перспективно. На его боку даже сохранились следы какой-то маркировки, однако разобрать, что там написано, мне не удалось. Счистив пыль и мелкий мусор с потускневшей, но кое-где матово отблескивающей поверхности, я отправил находку в рюкзак и не торопясь выбрался из раскопа.

Увиденное секунду спустя заставило меня вновь метнуться к пластобетонному обломку, уже однажды выбранному мной в качестве укрытия. Как оказалось, очень вовремя. Место, с которого я ушел в прыжок с перекатом, исчезло в ослепительной вспышке взрыва, прогремевшего на всё рукотворное ущелье моего сектора поиска.

Скорчившись за скрывшим меня фрагментом опоры гравиконтейнерной магистрали, я шипел от боли. Голову при приземлении мне удалось защитить, а вот всему остальному организму досталось изрядно. Острые обломки не пробили экипировку, но удовольствие от таких акробатических упражнений всё равно оказалось весьма сомнительным. Повезло только спине, неплохо защищенной рюкзаком. Зато осколками не посеколо, и это не могло не радовать.

Подавать Тирою какие-либо сигналы не имело никакого смысла. Грохот взрыва послужил лучшим способом привлечения внимания. То, что я успел рассмотреть перед прыжком за укрытие, мне очень не понравилось. Не знаю, как я вообще смог заметить противника, но почему-то мой взгляд сразу выпепил на фоне Руин размытый силуэт малого разведывательного робота Роя. Это меня, собственно, и спасло. Ну, или немного отсрочило мою гибель.

Чем занят противник, я не видел, но догадаться было не так уж сложно. Не сумев уничтожить цель первым выстрелом, робот наверняка решил сменить позицию, чтобы расстрелять человека с более удобного направления. Оружия у меня он не увидел, но для него это не повод терять осторожность. Рой умеет учиться, и богатый опыт боевых столкновений в Руинах наверняка подскажет врагу, что люди имеют свойство ходить в рейды группами. Так что рядом с безоружным старателем вполне может оказаться кто-то более опасный. Что эти выводы могли дать мне? Да почти ничего. Разве что обещали пару лишних минут жизни.

Сейчас всё зависело от Тирою. Он единственный в нашей артели имел оружие, способное остановить робота Роя. Не полноценного боевого дрона, конечно, ну так и противником в данном случае выступал лишь малый разведчик. Однако пока лидер никак себя не проявлял, что, безусловно, было разумным решением. Вряд ли враг позволит Тирою сделать больше одного прицельного выстрела, так что, если я хотел выжить, мне следовало сделать всё, чтобы помочь лидеру не промахнуться с первого раза.

Подобрав небольшой каменный обломок, я, не выглядывая из-за укрытия, метнул его куда-то в сторону врага, пытаясь отвлечь противника хотя бы на несколько секунд или заста-

вить на мгновение замереть на месте для оценки обстановки. Робот, судя по всему, на эту примитивную уловку не повелся. Во всяком случае, никакой реакции с его стороны не последовало. Высовываться из укрытия я не собирался – это однозначно стало бы последним действием в моей жизни, но лежать, вжимаясь в острые обломки, в полном неведении было просто невыносимо. И всё же я терпел и ждал. Мне просто больше ничего не оставалось. Мой предшественник, судя по скудным рассказам лидера, погиб именно так, сдуру выскочив от страха на открытое место, когда стало ясно, что к нему подбирается робот-разведчик Роя.

Я метнул еще один камень, и тот с громким стуком ударился о твердое препятствие. На несколько секунд вокруг установилась полная тишина. Ну, если не считать легкого шелестения редкой и чахлой растительности, успевшей вырасти среди Руин за последние шестьдесят лет. Потом где-то совсем недалеко от моего укрытия раздался негромкий шорох потревоженных камней. Несмотря на восемь суставчатых ног, неплохо приспособленных к перемещению по любой местности, разведчик Роя всё же не мог абсолютно бесшумно двигаться по обломкам, размолотым взрывами до состояния крупного гравия. Враг находился совсем рядом, и, если Тирой решил уклониться от схватки, жить мне оставалось не больше пары десятков секунд.

Я чувствовал, как теряю самообладание, как паника всё глубже разъедает мое сознание, вытесняя здравый смысл и заставляя вскочить и бежать куда угодно, лишь бы подальше от бездушного и безжалостного противника, вот прямо сейчас готовящегося превратить меня в кусок жареного мяса. Негромкий хлопок выстрела из револьверного гранатомета прозвучал откуда-то справа, когда я себя уже почти не контролировал.

Глухой взрыв прозвучал прямо за укрывавшей меня глыбой пластобетона, но враг не был уничтожен. Правда, его ответный выстрел оказался очень неточным, заставив разлететься веером раскаленных осколков совершенно бесполезную каменную глыбу где-то далеко в стороне от позиции гранатометчика. Почти сразу Тирой выстрелил еще дважды. Звуки взрывов казались странно негромкими. В принципе, одного удачного попадания плазмо-кумулятивной гранаты роботу-разведчику должно было хватить. Лидер же стрелял трижды, и все три раза попал. Видимо, он использовал другой тип боеприпасов, но смысл его выбора я понял не сразу, да и не до того мне было в тот момент.

– Вставай, быстро! – Тирой, внезапно появившийся из-за камня, грубо выдернул меня из укрытия, даже не поинтересовавшись моим состоянием и тем, могу ли я, в принципе, передвигаться самостоятельно. На мое счастье, я мог.

– Пакуем паука и валим отсюда! – продолжал отдавать приказы лидер.

Старатели, уже успевшие собраться к месту схватки, извлекли из рюкзаков комплект легких трубок и соединительных муфт и быстро собрали из них конструкцию, напоминавшую решетчатые носилки. Когда к ним подошел Тирой и прикрепил к добыче небольшой гравикорректор, способный примерно вдвое уменьшить вес робота, я впал в легкий ступор. Стоил этот артефакт, как мой доход от вылазок в Руины лет за десять. Я знал, что такие приспособления используются для переноски тяжелой или крупногабаритной добычи, но в деле их пока не видел и даже не представлял, что у Тирою может быть нечто подобное.

Безвольно раскинувший конечности разведчик Роя выглядел изрядно помятым, но при этом не так уж сильно пострадавшим. В течение минуты он был погружен на носилки и надежно закреплен, после чего мы, постоянно подгоняемые Тироем, бегом рванули на северо-запад, сильно отклоняясь от маршрута, которым сюда пришли.

– Что у тебя в рюкзаке, Рич? – спросил лидер, когда мы, сгибаясь под тяжестью носилок, отбежали от места поиска почти километр. Моим здоровьем и самочувствием после атаки робота он так и не поинтересовался.

– Осколок брони и какой-то контейнер. Посмотреть толком не успел.

Ответил я с трудом. Дыхание сбилось напрочь, да и последствия прыжка с перекатом по острым камням давали о себе знать. Организм категорически не приветствовал подобного обращения.

– Быстрее! – приказал Тирой. – Метров через пятьсот будет удобное место, где можно немного отсидеться. Это, конечно, нейтралка, но Рою всё равно может не понравиться, как мы обошлись с его роботом.

Как будто подтверждая его слова, метрах в семистах позади нас, что-то несколько раз ярко вспыхнуло, и над Руинами прокатился глухой рокот.

– Ракетами приложили, – удовлетворенно кивнул Дженго. – Значит, летающих дронов у Роя рядом не было, и засечь нас не получилось. Отработали по вероятным путям отхода. Если бы мы тащили робота без гравикорректора, примерно там бы сейчас и были.

Как мы добрались до тщательно замаскированного входа в уцелевший отрезок подземного яруса промзоны, я помнил плохо. Гравикорректор – это, конечно, хорошо, но робот-разведчик – на редкость тяжелая сволочь, даже если его вес уменьшен вдвое. Особенно когда ты уже пробежал с ним километр, а за плечами у тебя не такой уж легкий рюкзак, и это не считая болтающегося на поясе снаряжения.

Мы повалились прямо на замусоренный бетонный пол. В свете налобных фонарей мелькали обрывки упаковок от сублимированных пайков, куски розовато-серой медицинской пены, использованные насадки от инъекторов и масса другого хлама непонятного происхождения. Местами пол был испятнан чем-то бурым. Запашок здесь тоже не радовал, но ничего по-настоящему опасного в затхлом воздухе не содержалось. Во всяком случае так считал войсковой прибор мониторинга среды, закрепленный на поясе Тирою. Незаменимая штука в старательском деле. Предупреждает хозяина о высоком уровне радиации, биологической угрозе или наличии в воздухе отравляющих веществ. Стоит, конечно, дорого, но далеко не так запредельно, как гравикорректор.

– Показывай, что у тебя, – Тирой нехорошо прищурился и кивнул на мой рюкзак. – Думаю, парням будет интересно узнать, ради чего ты всех нас подставил. Не делай круглые глаза, Рич. Ты дважды включал сканер на полную мощность, и именно из-за тебя мы все чуть не сдохли.

Лидер знал. Возможно, он смог засечь всплеск паразитного излучения от моего примитивного сканера своим куда более продвинутым оборудованием, но что-то мне в это не верилось. Чем дальше, тем больше мне казалось, что я являюсь частью какой-то очень подлой игры. Сейчас я в этом был уже практически уверен. Судя по взглядам старателей, оправдываться и рассказывать про самопроизвольно сработавший сканер не имело никакого смысла. Мне бы просто никто не поверил.

Я молча извлек из рюкзака сначала осколок брони, вызвавший только презрительные усмешки, а потом и контейнер. Лица старателей застыли странными масками, выражавшими целую гамму чувств. Они явно знали, что это такое или, как минимум, догадывались.

– А ты везунчик, Рич, – как-то излишне напряженно улыбнулся Тирой, протягивая руку за контейнером. – Если это то, о чем я подумал, мы, пожалуй, даже простим тебе очередную выходку.

Лидер внимательно всмотрелся в полустертую маркировку на боку контейнера, и в его глазах на долю секунды мелькнуло что-то такое, от чего мне стало очень некомфортно. Куват и Бирс неотрывно пожирали взглядами найденный мной артефакт, и в выражениях их лиц я не видел ничего, кроме всепоглощающей жадности. Их мозги буквально плавилась от предвкушения водопада денег, который обрушится на их головы. А вот Дженго, похоже, тоже что-то почувствовал. Во всяком случае, особой радости в его взгляде я не увидел, а сам он весь подобрался, как перед броском через опасный участок местности в глубине Руин, но отчаянно старался чтобы никто этого не заметил.

– Зря слюни пускаете, – с деланным пренебрежением произнес Тирой. – Контейнер может оказаться совсем не тем, за что мы его принимаем. Часть маркировки не читается, корпус деформирован. Не исключено, что перед нами пустышка. Впрочем, сейчас мы проверим так ли везуч наш новичок.

С этими словами лидер неторопливо потянулся к своему рюкзаку, откинул верхний клапан и демонстративно неспешно начал что-то искать внутри. Вроде бы, ничего особенного Тирой не говорил и не делал, но все его движения, слова и интонации выглядели чуть-чуть неестественными и самую малость наигранными, выдавая тщательно скрываемое напряжение. В моей голове как будто переключили какой-то тумблер, и все мелкие детали происходящего неожиданно сложились в четкую и непротиворечивую картину. За секунду до того, как руки Тироя начали обратное движение, извлекая что-то из рюкзака, я понял, что сейчас нас будут убивать. Не только меня, но и Бирса, и Кувата, и даже Дженго.

Глава 3

Я не знал, что именно достает из рюкзака Тирой, но сильно подозревал, что это нечто посерьезнее ножа или другого холодного оружия, иначе вряд ли он решился бы один напасть на нас четверых, даже считая, что на его стороне внезапность. На удивление, страха не было. Мой мозг вместо того, чтобы впасть в ступор от перспективы неизбежной смерти, начал работать со скоростью центрального вычислителя орбитальной крепости, зафиксировавшего выход из гиперв вражеской эскадры. Такой ясности мысли я не ощущал, пожалуй, еще никогда, и это несмотря на угрожающую тушке организма смертельную опасность, а может, и благодаря ей.

Одна десятая секунды. Тирой намеренно ни на кого не смотрит, делая вид, что полностью увлечен извлекаемым из рюкзака оборудованием для проверки моей находки. Якобы оборудованием и якобы для проверки. Его руки продолжают медленно двигаться вверх, но пока никому из нас не видно, что скрывается за металлизированной тканью.

Две десятых секунды. Взгляд лидера начинает смещаться в сторону Дженго. Ясно, что Тирой считает его самым опасным противником, и, пожалуй, правильно делает. Именно этот чернокожий потомок воинов центральноафриканских племен получит первый удар, чем бы он ни был нанесен. Впрочем, последнее уже начинает проясняться. Из рюкзака появляется правая рука лидера и край сжимаемого в ней металлического предмета. Очень знакомого предмета.

Три десятых секунды. Сомнений больше нет. Рука Тироя резко ускоряется, и я узнаю зажатое в ней оружие. Это кинетический пистолет – штука почти бесполезная даже против лёгких летающих роботов Роя, но в данной ситуации для нас это чуть ли не самый хреновый вариант. Мы все почти наверняка обречены. Дженго начинает реагировать. Увы, слишком поздно. Он ждал чего-то подобного, но о пистолете, видимо, не знал. Сидит африканец прямо на полу, причем не в самой удобной позе для быстрой реакции на опасность. Защитный жилет расстегнут, шлем снят с головы и валяется рядом с правой ступней. Он ничего не успеет, это совершенно очевидно. Бирс и Куват вообще не в счет – они пока даже не поняли, что происходит.

Четыре десятых секунды. Пистолет уже почти развернут в сторону Дженго. Меня Тирой считает наименее опасным, так что убивать будет последним, и это дает мне крошечный резерв времени. Оружия у меня нет. По крайней мере такого, которое способно хоть как-то противостоять огнестрелу. Есть нож, но он в чехле на поясе. Достать не успею. Есть вибробур, он вообще в рюкзаке, да и толку от него...

Пять десятых секунды. Выстрел! Грохот бьет по ушам, отражаясь от стен. Вспышка пламени на миг ослепляет, но я вижу, как дергается голова Дженго, и на стену за его спиной брызгает красно-серым. Глаз периферийным зрением ловит блик, отраженный от металлической поверхности. Смотрю вниз. Прямо передо мной лежит осколок брони, не сумевшей сохранить жизнь тяжелому пехотинцу колониальных войск. Что ж, возможно, я дам ему шанс спасти другую жизнь. Мою.

Шесть десятых секунды. Тянусь к осколку. Рука движется мучительно медленно. Мой организм неплохо тренирован, но до профессионального бойца мне, конечно, очень далеко. Если выживу, это нужно срочно исправлять. Пистолет Тироя уже ищет новую цель. Похоже, следующим будет Бирс. Кажется, до него уже дошло, что сейчас произойдет, но пока его реакция сводится лишь к расширяющимся от ужаса зрачкам.

Восемь десятых секунды. Пальцы моей левой руки смыкаются на зазубренном куске металла. Именно левой – справа я ударить Тироя не смогу. Хорошо, что не успел снять защитные перчатки, иначе точно располосовал бы себе всю ладонь. Тело продолжает движение вперед. Лидер, похоже, пока ничего не замечает или не придает моему движению особого значения, и это дает мне крошечный шанс.

Одна секунда. Выстрел! Пуля входит в шею Бирса в сантиметре над защитным жилетом. Его голова странно дергается, и старатель начинает заваливаться на спину. Тирой развернут ко мне боком, и это плохо. В отличие от Дженго, он не стал снимать защитную экипировку, а значит, мест, уязвимых для моего импровизированного оружия, на его теле не так уж много. Разве что лицо под поднятым забралом шлема.

Одна и две десятых секунды. Пистолет смещается еще на несколько градусов, следуя за Куватом, отчаянно пытающимся отклониться влево и спрятаться за спиной завалившегося на бок Дженго. Неплохая реакция, но, увы, это всего лишь инстинкт. Никаких шансов такая тактика дать не может, однако выиграть для меня дополнительную долю секунды Куват в состоянии, за что ему отдельное спасибо. Я продолжаю движение и пытаюсь подобрать под себя левую ногу. Для атаки мне нужно оттолкнуться от пола, но как же медленно шевелятся мои конечности!

Одна и три десятых секунды. Выстрел! Пуля входит в левый глаз Кувата. Лидер явно хорошо умеет обращаться со своим оружием, и это уменьшает мои шансы. Я надеялся, что на предпоследнего противника он истратит два выстрела. Не срослось.

Одна и пять десятых секунды. Толчок от пола левой ногой. Мышцы пронзает резкая боль, но я не обращаю на это никакого внимания. Пистолет начинает разворачиваться в мою сторону. Тирой, похоже, наконец, заметил, что самый слабый противник вместо пассивного ожидания своей участи предпринял некое подобие контратаки.

Одна и семь десятых секунды. Лидер слишком надеется на свой пистолет, и это его подводит. Ствол уже почти смотрит мне в лоб, но в этот момент рука Тироа ударяется о мою правую ладонь, выставленную на ее пути. Враг подпустил меня слишком близко, чего делать ни в коем случае не следовало. Выстрел! Пуля шевелит мои волосы, проносясь у левого виска и с визгом уходит в рикошет от стены, уносясь куда-то вглубь заваленного обломками коридора.

Одна и восемь десятых секунды. Я знаю, что у меня всего один шанс. Сделать больше одного удара Тирой мне не позволит. Он сильнее и тяжелее меня. К тому же в его руке всё еще зажат пистолет. Лидеру нужно только немного повернуть кисть, но и моя левая рука уже начала движение в обход вытянутой вперед руки Тироа, а голова одновременно с этим максимально отклоняется вправо.

Одна и девять десятых секунды. Удар! Выстрел! Щеку обжигает болью, но я всё еще жив. За грохотом выстрела я не слышу звука, с которым осколок брони входит в лицо Тироа. Наверное, это хорошо. Вряд ли я к такому готов.

Не вижу, куда именно я попал, однако противнику явно не до продолжения схватки. Впрочем, он успевает нажать на спусковой крючок еще дважды, вот только это никак не может ему помочь. Пули уходят в пол и потолок. Третий выстрел я ему сделать не даю. Выбитый из ослабшей ладони пистолет с лязгом катится по пластобетонному полу, но эти звуки заглушает дикий вой Тироа, пытающегося зажать руками страшную рану на лице.

Я поднимаюсь и делаю несколько шагов на с трудом гнувшихся ногах. Поднимаю упавший пистолет, резким движением сдергиваю с бывшего лидера шлем и прерываю его мучения выстрелом в затылок. Помочь ему я в этих условиях всё равно не в состоянии, да и желания такого, если честно, совершенно не испытываю. Что же за дрянь такую я нашел под слоем раздробленных взрывами обломков, если Тирой ради нее так легко решил избавиться не только от меня, но и от своих товарищей, с которыми его связывали десятки совместных рейдов в Руины?

* * *

Из царапины на щеке текла кровь и, срываясь с подбородка, капала на пол. Я этого не замечал. Болели растянутые мышцы левой ноги, но все ощущения проходили мимо сознания.

ния. На всякий случай я проверил Дженго, Бирса и Кувата. Все трое были безнадежно и окончательно мертвы. Опустившись на пол, я привалился спиной к стене. Меня накрыл жестокий отходняк. Убивать людей мне раньше не приходилось, а уж делать это таким жутким способом... Меня тоже раньше никогда не пытались убить. Не разбить морду, не унижить перед однокурсниками, не ограбить в плохо освещенном коридоре подземного яруса, а именно убить. Цинично и расчетливо.

Я вляпался во что-то предельно мерзкое и очень-очень опасное, и что теперь делать совершенно не представлял. Впрочем, думать сейчас я всё равно ни о чем не мог, а лишь неподвижно сидел, тупо глядя в одну точку. Прошло, наверное, минут двадцать, и я почувствовал, что меня потихоньку начинает отпускать. На самом деле, сидеть здесь и предаваться рефлексиям было, наверное, самым глупым из возможных занятий. О существовании этого места наверняка знал не только Тирой, так что безопасным оно являлось весьма условно. Любые гости, решившие сюда заявиться, неизбежно создали бы мне практически неразрешимые проблемы.

Мало того, что мне пришлось бы объяснять им, что я делаю здесь один в окружении четырех свежих трупов с резаными и огнестрельными ранами, так еще и сами эти трупы вполне могли оказаться хорошими знакомыми, а то и друзьями тех, кто мог сюда прийти. Но не это пугало меня больше всего. Найденный мной контейнер явно был чем-то очень редким и весьма ценным. Я ничего о нем не знал, хотя считал себя если и не знатоком рынка артефактов, добываемых старателями в Руинах, то уж точно не профаном в этой области.

Да и без контейнера оружие и снаряжение четырех не самых последних старателей вкупе с добытым нами роботом-разведчиком вполне стоило того, чтобы конфисковать его у странного новичка, единственного выжившего из артели Тироя, погибшей при более чем сомнительных обстоятельствах, а его самого тихо прирезать и выбросить где-нибудь подальше от этого схрона, чтобы не демаскировать полезное во всех отношениях убежище.

Работы предстояло много, и значительная её часть грозила стать крайне неприятной. Требовалось немедленно спрятать тела. Оставлять их здесь было нельзя. В этом месте мертвых старателей очень скоро найдут, и то, как они погибли, вызовет массу неприятных вопросов, на которые мне очень скоро придется отвечать. И отвечать будет нечего, поскольку в правду никто не поверит, а придумать достаточно качественную ложь я просто не смогу. О контейнере, судя по всему, говорить никому нельзя, по крайней мере, пока я сам не разберусь, что же это такое, а без него объяснить поведение Тироя вряд ли получится.

Прежде всего, стоило оценить свое физическое состояние. Мышцы левой ноги сильно болели, но, вроде бы, она меня более или менее слушалась. А вот с лицом было явно что-то не так. Я достал коммуникатор и навел фронт-камеру на свою физиономию. Н-да... В пылу схватки я и не заметил, что кроме царапины от пули я получил еще и неслабый удар пистолетом в левую скулу, и теперь на ней виднелась изрядная ссадина, а вокруг глаза начинал формироваться приличный отек, грозящий перейти в здоровенный фингал.

Царапина оказалась не слишком глубокой и не требовала стягивания краев. Я продезинфицировал ее гелем из аптечки и закрыл тонкой полоской медицинской пены. Ссадину просто помазал гелем. Таких украшений у меня за шестнадцать лет случались многие десятки. Само пройдет.

Дальше следовало разобраться с доставшимися мне трофеями. Как бы погано ни выглядели обстоятельства, в которые я влип, по итогу на меня свалился небольшой арсенал неплохого оружия и снаряжения, а вдобавок еще и куча весьма ценных артефактов. Если суметь всё это как-то легализовать, то даже без учета фактора икс в виде контейнера, я мог стать обладателем немалых денег. Ну, естественно, по моим меркам.

Начал я, само собой, с оружия. Шестизарядный револьверный гранатомет РУГ-36 лег в руки, как родной. Хорошая машинка. Довольно лёгкая и компактная, достаточно скоро-

стрельная и точная, но, увы, против роботов Роя откровенно слабовата. Завалить из нее паука-разведчика, конечно, можно, но даже против лёгкого шагающего танка он уже не тянет. Против воздушных целей гранатомет тоже почти бесполезен – дальность прицельного огня не больше семисот метров, да и скорость полета гранаты невелика. Но для условий нейтральной полосы штука всё равно очень полезная.

Гранат к РУГу у Тироя нашлось немного, и их тип лишь подтвердил возникшие у меня очень нехорошие подозрения. Помнится мне, я даже гордился приглашением в старательскую артель, считая, что меня заметили и оценили. Нет, на самом деле, так оно и было, вот только, судя по всему, выбрал меня Тирой не как перспективного новичка, способного со временем стать полноценным старателем, а как удобного живца для охоты на малых роботов Роя.

Обездвиженный и захваченный нами паук-разведчик являлся на порядок более ценным трофеем, чем всё, что мы могли найти на нейтралке. Ну, если, конечно, не считать моего контейнера, но такие находки случались настолько редко, что рассчитывать на подобное было глупо. Тирой утверждал, что его главная задача – прикрывать нас, пока мы ведем поиск артефактов в выделенных нам секторах. Обычно он этим и занимался, однако, как оказалось, далеко не всегда.

Из рюкзака Тироя я извлек три плазмо-кумулятивные гранаты. Эти небольшие цилиндрики являлись наиболее эффективным средством уничтожения сравнительно небольших и слабо бронированных роботов-разведчиков Роя. Вот только гранатомет лидера был заряжен не ими. Вернее, не только ими. Первые три гранаты Тирой израсходовал, стреляя в робота, и теперь я был полностью уверен, что они имели тот же тип, что и четвертая из шести, изначально заряженных в барабан. Только две последние гранаты были плазмо-кумулятивными, а первые четыре имели совсем другой тип и предназначались не для уничтожения лёгкой техники Роя, а для максимально щадящего выведения её из строя. Точного механизма действия этих боеприпасов я не знал. Скорее всего, они генерировали что-то вроде мощного, но узконаправленного электромагнитного импульса в сочетании с не слишком сильным ударным и термическим воздействием. Удачное попадание приводило к выводу из строя систем управления цели, но, как правило, достичь нужного эффекта удавалось не с первого раза. Собственно, именно поэтому Тирой предпочел две последние гранаты в барабане оставить плазмо-кумулятивными. Если бы четырьмя первыми выстрелами успокоить робота не удалось, он бы его уничтожил оставшимися двумя. Рисковать собой лидер, естественно, не хотел.

Вместо того, чтобы разнести противника первым же выстрелом, лидер всадил в него одну за другой три ЭМИ-гранаты, теряя время и абсолютно не принимая во внимание, что рискует моей жизнью. Для себя он решил списать меня в потери еще до рейда, и когда появился робот Роя, просто действовал по заранее намеченному плану.

Выданный мне Тироем сканер явно глючил не просто так. Лидер сознательно вручил мне прибор, периодически выдававший короткие импульсы на полной мощности. Может быть, и с моим генератором маскировочного поля тоже заранее поработали, чтобы в нужный момент пауку-разведчику было легче меня засечь. Не думаю, что остальные старатели знали об этой подставе. Ну, разве что Дженго, да и то не факт. Зачем рассказывать им об этом, если завтра на роль наживки может быть выбран любой из них? Новички и рядовые старатели гибли на нейтралке довольно часто, хотя, казалось бы, относительно безопасная тактика поиска артефактов давно отработана. Что ж, теперь этому факту нашлось вполне внятное объяснение.

Отложив в сторону гранатомет, я взял в руки кинетический пистолет ЗИГ Зауэр четырехсотой серии. Седая древность, однако лет через сорок после завершения активной фазы Вторжения он вновь приобрел популярность. Лёгкое плазменное оружие имеет много преимуществ, но в закрытых помещениях может представлять опасность для самого стреляющего из-за слишком высокой мощности, да и цены на него взлетели в десятки раз. Заводы, произво-

дившие плазменное оружие для армии, были почти полностью уничтожены Роем, а построить новые пережившим вторжение людям оказалось не под силу.

К пистолету в рюкзаке Тироя нашелся снаряженный запасной магазин на двенадцать патронов. Там же лежала автоматическая аптечка с довольно приличным набором функций. Тоже, между прочим, вещь совсем недешевая. В совокупности с гранатометом, ЗИГ Зауэром, гравикорректором и войсковым прибором мониторинга среды снаряжение лидера тянуло на сумму, которую вряд ли можно было заработать простым сбором дешевых артефактов в нейтральной зоне Руин. А ведь сюда еще следовало приплюсовать неплохой защитный жилет, комбинезон, тактический шлем, сканер и генератор маскировочного поля. И это не считая относительно дешевого снаряжения, которым лидер снабжал меня и остальных старателей. Впрочем, возможно, Тирой всё это не купил, а получил от своих покровителей. Мысль эта меня не порождала. При таком раскладе меня могли ждать дополнительные проблемы, если настоящие владельцы снаряжения захотят вернуть его себе.

Наш сегодняшний рейд был почти в самом начале прерван появлением робота Роя. Поэтому добыча Дженго, Бирса и Кувата оказалась довольно скромной. Десяток не слишком крупных фрагментов брони, пара небольших обломков каких-то механизмов с частично уцелевшей оптоэлектронной начинкой и выглядевшая почти целой универсальная энергоячейка. Наша, колониального производства. Судя по всему, еще времен Вторжения. Вполне достойная находка, кстати, если, конечно, окажется рабочей или ремонтпригодной.

Я с сомнением осмотрел груды трофеев. Самой сложной проблемой был, несомненно, робот-паук. Мы несли его вчетвером, и, надо сказать, изрядно от этого упахались, даже с учетом помощи гравикорректора. Чемодан без ручки. Нести тяжело, выбросить жалко. Как я потащу эту тушу? Конечно, поднять его можно, но далеко я его не унесу. К тому же теперь я один, и прикрывать меня некому.

Я тяжело вздохнул и начал снимать снаряжение с тела Тироя. С более продвинутым сканером и приличным генератором маскировочного поля у меня всяко будет больше шансов выбраться с нейтралки живым. Да и вероятность попасться на глаза патрулям колониальных сил, охраняющих границу Руин, тоже изрядно уменьшится.

Робота я спрятал в развалинах одного из цехов металлургического комплекса. Под таким названием эта мешанина исковерканного железа значилась на довоенной карте. Ничего ценного, что могло бы привлечь внимание старателей, здесь не имелось, да и само место выглядело не слишком перспективным для поиска. Вокруг хватало промышленного металла, хоть и незначительно, но всё же затруднявшего работу сканеров, а продираться среди бесконечных зазубренных обломков – то еще удовольствие.

Завалив паука всяким хламом, я установил рядом с ним генератор маскировочного поля, снятый с пояса Бирса, и присоединил к нему почти полностью заряженную энергоячейку, тоже позаимствованную из снаряжения бывшего товарища по старательской артели. С маскировкой неподвижных и неизлучающих объектов даже этот примитивный прибор мог справиться достаточно неплохо. При работе в экономичном режиме энергии ему должно было хватить суток на десять.

Для остальных трофеев, оружия и снаряжения я соорудил другой схрон, метрах в трехстах от первого, оборудовав его примерно таким же образом, благо запас генераторов маскировочного поля и энергоячеек у меня образовался вполне достаточный. Немного поколебавшись, я решил потратить еще какое-то время и устроить отдельный тайник для непонятного контейнера. Подходящее место нашел не сразу, но, в конце концов, засунул свою находку в уходящий куда-то под землю огрызок толстостенной металлической трубы, когда-то срезанной мощным взрывом.

Конечно, устраивать тайники на нейтралке – дело крайне неблагодарное. Здесь бродят старатели, появляются рейдовые группы колониальных сил и регулярно совершают вылазки

работы Роя. Естественно, при этом происходят стычки, причем иногда с применением тяжелого оружия. Схроны могут пострадать при взрывах, есть шанс, что на них кто-то случайно наткнется, да и вообще неприятностей здесь можно ждать откуда угодно. Вот только выбора у меня всё равно не было. Тащить добычу в город – не вариант. Даже если донесу, куда ее девать? Светить нельзя – сразу возникнут вопросы. Качественно спрятать тоже не получится. У меня, конечно, имелся тайник в одном из так и не восстановленных технических коридоров, но его надежность с самого начала вызвала большие сомнения, и я хранил там только дешевую снарягу, в которую переодевался для выходов в Руины. Прятать там ценные артефакты, которые запросто могли превратиться еще и в опасные улики, представлялось мне совсем уж странной идеей.

Проще всего, как ни странно, оказалось решить вопрос с телами погибших старателей. На нейтралке, как и везде в Руинах, хватало мест, соваться в которые никто в здравом уме никогда бы не стал, и я довольно быстро нашел одно из них. Здесь когда-то прогремел неслабый взрыв, пробивший перекрытие между нулевым и минус первым ярусами. В нешироком проломе на глубине около метра маслянисто поблескивала чем-то изрядно загаженная вода, и воняло оттуда какой-то неприятной химией. Реквизированный у Тироя войсковой прибор мониторинга среды неуверенно пискнул в том смысле, что не лез бы ты туда, хозяин. Сдохнуть не сдохнешь, но и радости не принесет. Над проломом нависал изрядный кусок пластобетонной плиты, бывшей когда-то межъярусным перекрытием. Лучше и не придумаешь.

Повозиться, конечно, пришлось изрядно. Прятать тела рядом с убежищем, где произошла схватка с Тироем, я не хотел, поэтому тащить их пришлось довольно далеко, гравикорректор мне в помощь. Особенно много проблем доставил огромный Дженго, но, в конце концов, все погибшие старатели оказались на краю пролома.

– Простите, парни, что всё вот так, – негромко пробормотал я, глядя на четыре мертвых тела, одно из которых обрело свой нынешний статус моими стараниями. – Думаю, вы знали, что в Руинах редко бывает по-другому.

Я аккуратно спустил тела в пролом и извлек из рюкзака вибробур. Плита и без того висела на соплях, так что через пять минут борьбы с остатками удерживавшей ее арматуры она с шумом обрушилась вниз, замуравав дыру в перекрытии. Привлечь внимание грохотом обломков я не слишком опасался. В Руинах постоянно что-то обваливается и рушится, а иногда и взрывается. Эхо так и не закончившейся войны...

Времени у меня оставалось меньше двух часов, а мне еще предстояла неблизкая дорога обратно в интернат, и очень хотелось пройти ее, не попавшись никому на глаза. Свой сканер и генератор маскировочного поля я разбил о камни, а обломки выбросил куда подальше. По поводу генератора я уверен не был, но сканер точно содержал предательскую программную закладку, способную выдать меня в любой момент. Ходить по Руинам с таким оборудованием казалось мне делом крайне опасным. Вместо уничтоженных приборов я сначала взял сканер и генератор Тироя, но чуть позже заменил их снаряжением Дженго. Иметь при себе вещи, снятые с лидера, я не хотел. Они, конечно, заметно качественнее и надежнее, но случись какая-нибудь неожиданная встреча, избежать ненужных вопросов мне точно не удастся. А так... Ну кто может знать, какой именно комплект дешевого снаряжения выдал мне лидер? У Дженго оно, конечно, было не таким дерьмовым, как у меня, но и особо вызывающе для новичка тоже не выглядело.

Силы охраны периметра, похоже заинтересовались, по кому это Рой приложил ракетами. Не то чтобы этот факт их так уж взволновал, но патрулирование они усилили, и это создало мне дополнительную головную боль. Конечно, намертво закрыть всю условную границу, отделявшую городские развалины от Руин, наши вояки не могли, но кое-что они всё же предприняли, и мне пару раз пришлось вжиматься в камни, когда невдалеке пролетали их разведывательные беспилотники.

Рой эту нездоровую активность тоже заметил, и километрах в трех от меня сумерки прорезал яркий росчерк выстрела легкой плазменной пушки. Короткая вспышка в четырех сотнях метров над землей подсказала мне, что одним беспилотником у колониальных сил стало меньше. Солдаты в ответ накрыли точку, откуда велся огонь, десятком реактивных снарядов. Вот так и гибнут на нейтралке тайники с ценным снаряжением. Придись удар немного южнее, и с одним из своих схронов я бы мог смело попрощаться.

Воспользовавшись тем, что военные нашли себе интересное занятие, я незамеченным преодолел последнюю сотню метров до замаскированного лаза, ведущего в заброшенный технический коридор первого подземного яруса. Мы изредка использовали его, чтобы пробраться на нейтралку, минуя посты и патрули охраны периметра, и теперь он мне очень пригодился.

Городским властям этот коридор был глубоко не интересен, а полиция в такие места предпочитала не соваться. Поэтому техническое состояние этого узкого прохода через лабиринт мертвых механизмов и давно заброшенных коммуникаций со временем только ухудшалось. Мы потому и пользовались им довольно редко, что страх быть похороненным под очередным обвалом здесь ощущался уж слишком явно. Местами на полу хлюпала вода, имевшая откровенно тухлый запах. Из темных провалов, оставшихся на месте смятых и сброшенных вниз стеновых панелей, доносились странные технические шумы и звук падающих капель. Здесь и впятером-то идти было тоскливо, а пробираться в одиночку оказалось совсем невесело.

Тем не менее, запас неприятностей на сегодня я, видимо, уже исчерпал. Ну, по крайней мере, на тот момент мне так казалось. Как бы то ни было, до тайника, где я обычно хранил снаряжение, а во время рейдов оставлял интернатские шмотки, добраться удалось живым и без новых травм, если не считать нескольких мелких ссадин. Железок, торчащих под самыми неожиданными углами, на моем пути оказалось куда больше, чем мне бы того хотелось, так что совсем без потерь дойти не удалось.

На подходе к обитаемым территориям я включил коммуникатор и набрал номер Тироа. Ответа, естественно, не последовало. Абонент вместе со своим устройством связи навсегда выбыл из зоны действия сети. Нажав сенсор отбоя, я проделал ту же процедуру с номерами остальных старателей. Естественно, я не собирался вести переговоры с мертвецами, зато сам факт попытки с ними связаться мог мне в дальнейшем кое в чем помочь.

На территории интерната я появился уже в облике вполне заурядного воспитанника первого года обучения, если, конечно, не считать расцарапанной физиономии, бланша под глазом и того факта, что я шляюсь по полутемным коридорам перед самым подъемом, когда всем первогодкам, да и остальным учащимся положено видеть сладкие эротические сны в своих каморках, бывших когда-то, пультовыми, распределительными узлами, коммуникационными залами и прочими техническими помещениями, в которые шестьдесят с лишним лет назад были вынуждены спуститься немногие уцелевшие жители мегаполиса, сумевшие выжить во время орбитального удара эскадры Роя.

Наверное, я действительно поверил в то, что всё худшее уже позади, иначе как объяснить, что устроенную на меня засаду я элементарно не заметил, даже пройдя мимо нее всего в полтора метра? Лишь в последний момент я боковым зрением уловил быстрое движение какой-то тени, появившейся сбоку-сзади из неосвещенной ниши коридора, а в следующую секунду сильный удар сбил меня с ног.

– Ну что, гнида, пришло время платить по счетам? – злорадно произнес Массуд, выходя на середину коридора. – Не ожидал, что всё случится так быстро? Вставай, я с тобой еще не закончил. Можно сказать, только начал разминаться.

Падение на металлический пол отозвалось болью во всем теле. Тонкая полоска медицинской пены сорвалась с раны на щеке, и она вновь начала кровить, но каких-то более серьезных повреждений я, похоже, не получил. Первым ударом Массуд не собирался меня вырубать.

Скорее он был некой мстью за полученный от меня пинок, тоже не нанесший особого физического вреда, но выглядевший крайне унижительным.

И всё же, как он меня вычислил и почему ждал именно здесь? Впрочем, это как раз легко объяснимо. Массуд хотел перехватить меня сразу после подъема, когда я отправлюсь на занятия. Подъем ведь совсем скоро. Потому он и устроил засаду в этом коридоре, рядом с нашей комнатой. Если его и удивил тот факт, что я появился не с той стороны, планы свои уязвленный претендент на благосклонность Нилы менять не стал.

Я медленно поднялся, одновременно разворачиваясь к противнику. Вся эта возня вокруг Нилы сейчас казалась мне такой никчемной ерундой, что я смотрел на Массуда даже с некоторым удивлением. Несколько часов назад я своими руками убил воспитанника нашего интерната, и только это спасло меня самого от смерти. Именно я сейчас мог лежать мертвой тушкой в вонючей воде разрушенного подземного яруса или в сотне других подобных мест, но я здесь, а Тирой и остальные остались там, на нейтралке...

– Массуд, давай уже закончим с этим, – устало произнес я, и в моем тоне старшему воспитаннику послышалось что-то такое, что он даже на миг остановился. – Хочешь, чтобы я не лез к Ниле? Да без проблем. Даже смотреть в ее сторону не буду. Хочешь, чтобы извинился за выданный тебе пинок? Ну, вот, приношу тебе официальные извинения. Признаю, что моя реакция на твою атаку была чрезмерной. А теперь давай просто разойдемся и забудем эту идиотскую историю. В конце концов, это ведь не я на тебя напал вчера в коридоре.

– Вот ты как заговорил, – накручивая самого себя, прошипел Массуд. В моем голосе он не услышал ни страха, ни заискивания. Только усталость. И это его явно напрягло. – Нет уж, ты меня публично оскорбил и за это ответишь, причем здесь и сейчас. И даже не надейся, слегка разбитой об пол рожей ты не отделаешься.

А вот это было уже интересно. Похоже, напав на меня сзади, Массуд в полумраке коридора не заметил моих ссадин и заклеенной раны на щеке. Ну, и решил, что это я так удачно приложился при падении после его удара. Разубеждать его в этом ни в коем случае не стоило.

Несмотря на усталость и множество мелких травм, в голове чувствовалась удивительная для подобной ситуации ясность мысли. Вроде бы и ситуация стрессовая, и тушке моей сейчас неизбежно и сильно прилетит, а башка соображает, как будто я здоров, бодр и ничего плохого вокруг не происходит. Кстати, о тушке. Хотелось бы минимизировать входящий ущерб, а то у меня планов много, а проблем еще больше, и валяться в интернатской больничке под прищмотром местного лекаря как-то не с руки.

Решив, что с пустыми разговорами пора заканчивать, Массуд без всякой паузы перешел к мерам физического воздействия на своего наглого обидчика, решив, для начала, пробить мне двоечку в голову. Этот прием у него был поставлен неплохо, и начало движения я едва не пропустил. Увы, отреагировать достаточно быстро мой организм оказался не в состоянии. Я хоть и не забрасывал тренировки с тех времен, когда меня несколько месяцев натаскивал один из бойцов Синдиката, но по-настоящему регулярной подготовки всё же не имел, да и работал со мной тренер очень недолго, так что освоить я успел разве что какие-то азы. Правда, потом не раз приходилось применять полученные умения на практике. Трущобы впавшего в дикость мегаполиса – не самое ласковое место для подростка.

Правый кулак Массуда летел мне в челюсть, и полностью уклониться я совершенно точно не успевал, однако боец, когда-то учивший меня тактике подобных схваток, не раз говорил, что это и не нужно. Пропустить скользящий удар – не самая большая проблема. Главное при этом успеть нанести в ответ свой. Поэтому, чуть сгибая ноги и смещаясь влево, я отлично понимал, что сейчас моя физиономия вновь пострадает, но шел на это вполне сознательно.

Правая скула отозвалась болью, но кулак противника лишь скользнул по моему лицу. Изначально Массуд планировал двойной удар, однако теперь достать меня левой он уже не мог. Дистанция сократилась настолько, что эффективно ударить в ответ кулаком у меня бы не полу-

чилося, да и толку от такого удара было бы мало. Противник тяжелее меня, и такой удар он вполне способен выдержать без особого ущерба.

Еще совсем недавно я бы, наверное, попытался разорвать дистанцию, ограничившись чисто оборонительными действиями, чтобы окончательно не разозлить опасного врага и не получить в результате по-настоящему серьезных травм. Однако, начиная уклоняться от удара, я четко осознал для себя, что это изначально проигрышная тактика, и единственный результат, который устроит меня в этой схватке – быстрая победа нокаутом.

Калечить Массуда я не собирался. Не сделал он мне пока ничего настолько плохого, чтобы так его наказывать, поэтому средства я выбрал эффективные, но довольно щадящие. Во всяком случае, убогий интернатский медотсек с их последствиями вполне должен был справиться.

Локоть – очень опасное оружие на короткой дистанции, и Массуд получил возможность убедиться в этом на собственном опыте. Во время уклона я слегка согнул ноги, и теперь вновь распрямил их, проведя удар в скулу противника снизу вверх. Бить локтем в челюсть я не рискнул, опасаясь нанести Массуду серьезную травму, но и так удар получился очень сильным. Пожалуй, даже слишком сильным. Инерция тела противника, набранная при рывке ко мне, лишь усугубила ситуацию. Мне даже показалось, что в моей руке что-то хрустнуло, впрочем, к счастью, лишь показалось. Локоть – штука крепкая.

Массуд странно дрыгнул ногами, опрокидываясь на спину, и я еле успел вцепиться в его куртку, чтобы хоть как-то смягчить встречу затылка противника с металлическим полом. Отчасти мне это удалось, но звук всё равно получился нехороший. Не хотел бы я так приложиться. Однако черепушка у Массуда, на мое счастье, оказалась достаточно прочной, и, прежде чем окончательно вырубиться, он даже успел чуть приподнять голову и посмотреть на меня мутным взглядом, выражавшим какое-то обиженное изумление.

– Ну, Рич, ты исполняешь... – негромко произнес в наступившей тишине Волынин.

Как и когда в коридоре появились многочисленные зрители, я не заметил. За спиной Игната столпились все обитатели нашей комнаты, привлеченные, видимо, шумом драки. Кое-кто из них всё еще сжимал в руках коммуникаторы, продолжая снимать происходящее, а с другой стороны, метрах в десяти от неподвижно лежащего Массуда, я обнаружил неуверенно переминавшегося с ноги на ногу Джея. Судя по наличию в его опущенной руке коммуникатора, товарищ Массуда тоже собирался заснять сцену справедливой мести, но, видимо, в какой-то момент прекратил это занятие за явным отклонением происходящего от намеченного сценария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.